Файролл. Петля судеб. Том 2

Автор:
Андрей Васильев

Файролл. Петля судеб. Том 2

Андрей Александрович Васильев

Файролл #13

Чем дальше, тем сильнее черные тучи вражды обкладывают со всех сторон Раттермарк, делая грядущее противостояние всех со всеми неизбежным. Не избежит от участия в мировом столкновении и недавно образованный альянс кланов под названием "Дети холмов". Более того – похоже, что богиня Тиамат уготовила этой небольшой, но дружной компании, особую судьбу. Кто-то, возможно, обрадовался бы такой уникальности, но только не Хейген, прекрасно знающий, что кому-кому, а богам доверять точно не стоит.

Андрей Васильев

Файролл. Петля судеб. Том 2

Глава первая,

в которой кое-кто получает нежданные подарки

Бам-м-м-м-м-м-м!!!!

«К сведению игроков!

Богиня Лилит обрела свой дом на землях Раттермарка, данное событие немедленно нарушило равновесие в высших сферах!

Влияние Лилит усилилось, а позиции двух других божеств, до сих пор не имеющих небесных чертогов, в значительной степени ослабли, и такое положение дел продлится до той поры, пока не будут воздвигнуты храмы в их честь. Разумеется, подобное скажется и на тех, кто отдал свою верность и веру богам, не достигшим пока величия.

Почитатели же Лилит будут щедро вознаграждены за усердие и преданность.

Важно!

Главный храм богини Лилит, равно как и главный храм богини Тиамат, неприкосновенен до той поры, пока все божества не обоснуются на землях Раттермарка! Любой, кто попытается нанести им вред, будет подвергнут жесточайшему наказанию, вплоть до блокировки учетной записи.

Важно!

Все вновь присягнувшие на верность богине Лилит получат стандартные награды. Специальные бонусы, приуроченные к торжественному вводу храма в эксплуатацию, предназначены только для тех, кто принял такое решение до обретения богиней нового дома.

Важно!

Сторонники богини Тиамат, решившие покинуть ее в данный момент ради того, чтобы присягнуть на верность богине Лилит, могут получить ощутимые штрафы от своей бывшей покровительницы. Но, в свою очередь, урон может быть частично компенсирован их новой госпожой, которая благосклонно смотрит на неофитов, поменявших мрачную непреклонность Тиамат на ее веселый нрав.

Примечание!

Напоминаем вам, что игроки могут использовать только одну бесплатную возможность перехода от одного божества к другому.

Важно!

Не забывайте, что боги любят принимать подношения от тех, кто присягнул им на верность! Если же ваш дар придется богине по душе, вы можете получить от нее награду. Имейте в виду – божественные награды уникальны и многообразны, среди них могут попасться даже элитные умения и уникальные задания. Пусть нечасто, но могут.

Примечание. Богине можно преподнести лишь один подарок раз в три дня.

Примечание. Данная опция работает только в том храме, который был построен самым первым и был лично освящен богиней.

И главное!

Боги снизошли до игроков, но что они стоят без вас? Помните об этом! Как и о том, что последний всегда может стать первым, главное – верить в то, что это возможно!»

– Теперь понятно, отчего Сайруса тут нет, – сообщила мне Кролина. – Я-то все его высматриваю, жду, когда он снова тебя кошмарить начнет.

– Конец монополии, – вздохнул Амадзе. – Всё прямо один к одному. И Старый слился, и доходность храма теперь упадет.

– Все равно там эти маньячилы-рыцари вокруг него столько всего наворотили, что теперь двое паломников из трех просто разворачиваются и уходят. Тройной контроль, хуже, чем на правительственный концерт, такое любого выбесит, – сообщил ему Снуфф, похрустывая печеньками, купленными у бродившего между рядов торговца. – Так что невелика потеря. А пользы полно. Теперь не только нас не любить будут, но и их. Их даже больше. Первые – они и есть первые, а на их месте мог оказаться любой. Но не оказался!

Бам-м-м-м!

«Боги разгневаны!

Витар и Месмерта проведали про то, что уже вторая их сестра обрела свой дом на земле Файролла, это доводит их до неистовства!

Все бонусы, полученные игроками, присягнувшими им на верность, повторно уменьшены до той поры, пока эти божества не обретут свои личные храмы!

Но следует помнить о том, что благодарность также знакома небожителям. Проявите рвение на пути к победе – и не только статус божественных наград вернется к прежним значениям. Радость богов, обретших наконец свой дом на землях Файролла, не будет знать границ, и каждый из сторонников, сохранивший верность в трудные дни, получит немалую награду. Клан же, трудами которого боги наконец-то получат желаемое, возвысится над остальными так, что и представить невозможно.

Будьте крепки в своих убеждениях и неукротимы в трудах, тогда награда не заставит себя долго ждать!»

– Система противовесов в действии, – констатировал я. – Не разбегайтесь по сторонам, бейтесь, как звери, тогда, возможно, будет вам счастье.

– Судя по тому, что мы все сейчас видели, у Месмерты отличные шансы стать третьей по счету богиней со своим жильем, – мрачно заметила Кролина. – Сдается мне, эти черти кланы из первой десятки топа вынесут, даже не вспотев.

– Поживем – увидим, – оптимистично предположил Вахмурка.

– Представляю, как сейчас Гедрона будет штырить, – потер подбородок Слав. – Второй эпический слив за такое короткое время. Сначала цитадель, теперь здесь его раскатали, что блин. Впору в петлю лезть.

– Старый не полезет, – заверила его Айболитка. – Мы не так давно знакомы, но поверь мне, он скорее вон ту заносчивую стерву Элину в петлю определит, чем сам в нее голову сунет. Причем не только тут, в игре, но и там, в реале.

– Но удар по самолюбию все равно о-го-го какой, – поддержала Слава ее сокланша Гливея. – Тем более что он ветеран.

– Гедрон-то ладно, – невесело заметил я. – Побесится, стены попинает, на гоблинов-строителей поорет, а после начнет, как верно было замечено, обдумывать страшную месть. А вот Тиамат… Это да! Даже представить не могу, в каком бешенстве сейчас наша небесная покровительница пребывает.

– В невероятном, – прошелестел рядом со мной тихий голосок, от которого у меня всякий раз мураши размером с кулак по спине пробегали. – Таком, что Апофсс поменял цвет чешуи, забился в угол и притворился мертвым, а Миносс вовсе уполз из тронного зала куда подальше. Я такого ни разу за бессчетные века не видела.

– Ой! – взвизгнула Трень-Брень, рядом с которой тихонько притулилась Пауни, невесть откуда взявшаяся тут, на трибунах. – Напугала, блин!

Подручная Тиамат немедленно перевела взгляд на нее, после чего фея, окончательно сдрейфив при виде непроницаемой черноты, плескавшейся в глазах этой девочки, вспорхнула в воздух и переместилась за широкую спину Вахмурки. Они раньше встречались вроде, но впечатлительная Тренька среагировала так, будто это диво дивное впервые видит.

– А вы кто? – поинтересовалась у Пауни Айболитка, немедленно уловившая своим отменным игровым чутьем, что нас посетила очень и очень непростая гостья. – Если не секрет?

– Не секрет, – любезно ответила ей девочка, теперь уставившаяся на меня.

– И? – выдержав паузу и поняв, что продолжения не последует, продолжила туркать подручную Тиамат моя коллега по альянсу.

– И все, – коротко ответила ей Пауни. – Хейген, наша госпожа ждет тебя.

– Прямо сейчас? – уточнил я. – Или можно попозже?

– Сейчас. Она очень хочет пообщаться с твоим другом.

– С которым из? – я обвел рукой несколько рядов, заполненных моими союзниками и соратниками. – Уточни.

– С сыном королевы Запада. Она хочет видеть именно его.

– А возьмите и меня с собой? – предложила Айболитка, по блеску в глазах которой сразу становилось ясно, что она смерть как хочет получить возможность лично повидать нашу покровительницу в домашней обстановке. – Вдруг я там тоже пригожусь?

– Подобная честь даруется только тем, кто ее заслужил, – холодно ответила ей Пауни. – Сражайся во славу великой Тиамат, соверши деяние, достойное внимания нашей богини, убей сотни тех, кто восстал против нее, – и ворота небесного дворца распахнутся перед тобой. Но не ранее. По делам и награда.

– Звучит обидно, но справедливо, – признал Раша. – Ничего, чем дальше, тем больше. Скоро и убийств, и деяний хватит всем вволю, только не ленись.

– Здесь его нет, – обвел я рукой присутствующих, которые уже плюнули на то, что творилось на Арене, таращась исключительно на нежданную гостью. – Он в Пограничье, в себя приходит после тюремного заключения. Нелегко ему там пришлось, понимаешь. Зона попалась «красная», «кум» был зверь, святую пайку и то не всякий раз выдавали. Не те времена, не те нравы, малая. Мало где в Файролле нынче честный бродяга может найти законное благо.

– Я тебя не очень поняла, – призналась Пауни.

– Нету его тут, – влезла в разговор притихшая было Трень-Брень. – О том речь.

– На, – воспитанница Тиамат сунула мне в руки свиток перемещения, но не стандартный, какими я, бывало, по нескольку раз на дню пользуюсь, а желтый, выцветший, схожий со старинным пергаментом, да еще и испещренный рунами. – Отправимся туда, где он есть, а после перенесемся в небесный чертог.

– Хорошо, – покладисто согласился я, понимая, что мое согласие тут никакой роли не сыграет. – Пошли.

– Славная змейка, – Пауни прикоснулась к бритой голове Мыси, на которой красовалась вытатуированная с исключительным умением кобра, раздувшая капюшон. Боюсь представить, во что эта красота лучнице обошлась. Причем это была только видимая часть, основное туловище рептилии пряталось на спине, под одеждой. – Сильная и опасная.

– Ага, – согласилась с ней девушка, немного прифигевшая от подобной выходки страшненькой гости клана. – Мне тоже она нравится.

– Я пригляжу и за ней, и за тобой, – пообещала ей воспитанница Тиамат, еще раз погладив искусно наколотую змеюку на затылке моей сокланши. – Обещаю.

– Ого! – вырвалось у Мыси через несколько секунд. – Спасибо огромное!

Похоже, ей перепали от Пауни какие-то неслабые бонусы. Очень неслабые, достаточно было глянуть на выражение лица лучницы.

– Идем, – снова повернулась ко мне девочка, от низкого голоса которой всякий раз отчетливо тянуло застарелой смертью. – Чего ты ждешь?

– Ничего, – я взмахнул свитком, правда, уже не тем, что мне дала Пауни, а своим, извлеченным из сумки. – Пошли.

Вспышка – и вот мы уже находимся у входа в замок Лоссорнаха. Ступени лестницы, на которых обычно хоть кто-то да сидит, пусты, да и околозамковая площадь непривычно безлюдна, что просто-таки режет глаз. Но оно и понятно: все, кроме меня, сейчас на Арене.

– Вот мы погуляем, а потом покушаем, – раздался у меня за спиной голос Эбигайл. – Да, мой сладкий? Да, мой хороший? Молочка покушаем, а не мяса, которым вчера тебя окончательно свихнувшийся папка пытался накормить.

– Мясо – еда мужчин, – неожиданно подала голос Пауни, с интересом уставившаяся на мою названую сестрицу и племянника.

– Ой! – прямо как Трень-Брень, вскрикнула та, только глянув на черноглазую девочку, после быстро подхватила сына на руки и прижала к себе. – Ты кто? Хейген, ты кого с собой приволок?

– Это Пауни, – охотно ответил я. – Приемная дочь Тиамат, богини, которой мы все служим. Той самой, которая взяла под защиту твоего сына.

– Госпоже по душе твой отпрыск, королева, – подтвердила девочка. – Она несколько раз упоминала его в беседах, всякий раз подчеркивая, что благоволит к нему. Как, впрочем, и к обитателям Пограничья в целом.

– Да? – оттаяла Эбигайл. – В самом деле?

– Я никогда не вру, – бесстрастно произнесла Пауни и подошла к ней поближе. – Дай мне дотронуться до него, королева.

В глазах моей сестрицы последовательно отразились недоумение, непонимание и страх, а следом за тем она уставилась на меня, явно не зная, как ей поступить.

Я помедлил секунду и кивнул, давая ей понять, что просьбу Пауни следует выполнить. Девочка-Смерть сейчас полностью на нашей стороне, хотя бы потому что она прекрасно понимает, чьи клинки служат основой трона ее госпожи, а значит, племяшу моему она никак повредить не сможет. Вернее, делать этого она не станет. Зато не исключен вариант того, что ему, как и Мыси, перепадет какой-нибудь хороший подарок. Да, он не игрок, а НПС, но одно другого не отменяет.

Пауни возложила ладонь правой руки на покрытую светлыми волосиками голову принца, который немедленно что-то загугукал, и издала звук, более всего похожий на шипение.

Сестрица дернулась, но предпринимать ничего не стала.

– Ни одна змея в этом мире более не причинит вреда твоему сыну, королева, даже если он наступит ей на хвост или засунет палец в пасть, – сообщила черноглазая девочка обмершей Эбигайл. – А некоторые из них, те, что служат лично мне, помогут ему в час смертельной опасности.

– Спасибо тебе, Пауни, – помедлив пару секунд и переварив информацию, произнесла сестрица. – Это великий дар. Я буду рада видеть тебя гостьей в своем доме, в нем ты всегда найдешь отдых, стол и защиту.

– Благодарю тебя, королева, – губы Пауни чуть ли не впервые на моей памяти тронуло некое подобие улыбки. – Нечасто я слышу такие слова. Нечасто. Люди обычно стараются меня изгнать или убить. Именно потому мои друзья – змеи.

– Но не я, – гордо выпрямилась Эбигайл. – Повторю свои слова – отныне двери моего дома, независимо от того, где мне придется обитать, в этом замке или же в лачуге, расположенной в предгорьях, открыты для тебя всегда. Разумеется, это относится и к твоей приемной матери, перед которой я не так давно преклонила колени вместе со своим мужем и всеми нашими подданными.

Ай, хитра у меня сестрица! Ох, хитра! Хотя она сейчас не для себя старается, а в первую очередь для племяша моего. Ну и для всего королевства в целом. Впрочем, это как раз нормально. Она же мать.

Маленький принц, словно почуяв важность момента, заулыбался и протянул к черноглазой девочке свои ручки.

– Я передам богине твои слова, думаю, они ей понравятся, – пообещала Пауни и повернулась ко мне. – Хейген, Тиамат не любит, когда ее заставляют ждать.

– Да-да, – кивнул я. – Эби, душа моя, ты не знаешь, где Вайлериус? Ну, тот претендент на престол Западной Марки, которого ты давеча за бродягу приняла?

– Мог бы и не напоминать, – чуть покраснела королева. – Ошиблась, с кем не бывает?

– Со мной, например, – отозвался я. – Потому что я ко всем людям, независимо от того, как они выглядят и на какой ступени общества находятся, отношусь с уважением. Но это ладно. Принц где?

– В кухне, – ответила мне Эбигайл. – Сидит ест. Нет, я предложила накрыть ему стол в одной из малых зал, только он отказался. Сказал, что ему тут хорошо,

далеко за добавкой ходить не надо. Бедный мальчик, такое ощущение, что его голодом морили целый год!

«Мальчик». Да он, дай бог, года на три старше тебя, если не меньше. Впрочем, пришедшее материнство всегда выводит женщин на другую возрастную орбиту мироощущения, так что судить ее за эти слова не стоит.

– Да нет, поменьше. Но он же к нам, сюда, прямиком из тюрьмы попал, а там особо в плане еды не разгуляешься, – пояснил я. – Опять же, в ней его высочество со статусом «узник совести» пребывал, потому не пренебрегал голодовками, как в таких случаях и положено. Пауни, ты как, со мной пойдешь или тут подождешь?

– Тут подожду. Только не задерживайся, это в твоих интересах.

– Ага, – кивнул я и направился в замок.

Вайлериус и правда обнаружился в кухне. Он умело разделывал двумя кинжалами жареного цыпленка, причем, судя по горке костей на стоявшей рядом с ним тарелке, уже не первого по счету.

– О, Хейген, – обрадовался он, увидев меня. – Присоединяйся! А то, боюсь, я этого пернатого в одиночку все же не одолею. Я просто покушал уже немного, вот и сомневаюсь в своих силах.

– Рад бы, да не могу, – опечалил его я. – И ты тоже, увы, его не оприходуешь. Пошли, нас кое-кто ждет.

– Эта встреча прямо так важна? – уточнил принц, с печалью глядя на истекавшую соком и жиром снедь. – Она точно полчасика не потерпит?

– Она – точно нет, – многозначительно произнес я и ткнул указательным пальцем вверх, показывая на потолок. – Понимаешь?

– Нет, – признался принц, вставая из-за стола. – Но зато знаю, что, когда ты вот так глаза пучишь, как сейчас, медлить не стоит.

– Прямо уж пучишь, – почти обиделся на него я. – Скажешь тоже.

Пауни обнаружилась там же, где я ее и оставил, только теперь она присела на ступеньку лестницы, причем, что примечательно, ту самую, где обычно сидела облагодетельствованная ей Мысь. Сестрица моя тоже никуда не делась, она тетешкала племянника, то и дело поглядывая на спину посланницы богини.

– Королева, рад вас снова видеть, – учтиво сообщил Эбигайл Вайлериус. – Должен заметить, у вас прекрасные повара. Давненько я так вкусно не ел!

– Судя по худобе, ваше высочество, вы вообще давно не ели, – сообщила ему та. – Что у вас там, на Западе, за нравы такие? Принцев и тех голодом морят.

– Ну, не едой единой… – уклончиво ответил ей Вайлериус.

– Да-да, я слышала слова о том, что если человек занят только сном и едой, то он животное, и только, – усмехнулась Эбигайл. – Или читала? Неважно. Но у нас, в Пограничье, говорят так…

Как именно говорят в Пограничье, мы, увы, не узнали, потому что именно в этот момент между нами вклинилась Пауни, ловко цапнула наши ладони в свои маленькие крепкие ручки, и через секунду мы с принцем уже любовались лестницей, висящей в небе и ведущей к воротам неописуемой красоты.

– Мои слова для тебя, наследник славы Западной Марки, – сказала Пауни, шагнув на первую ступеньку. – В этой жизни всегда есть два пути – тот, которым ты можешь пойти, и тот, который ты ради этого оставил. Прямо сейчас ты должен выбрать, куда ты хочешь отправиться, – вверх или вниз, в прошлое или в будущее. Но знай, другого случая добраться до вон тех дверей тебе уже не представится.

Не твои это слова, маленькая девочка со взглядом змеюки. Данный текст тебе в уста вложила та, что ждет нас там, где кончается лестница. Это последнее испытание для принца перед аудиенцией у богини. Или, наоборот, самое первое из многих.

Вайлериус сдвинул брови, глянул вниз, туда, где клубились облака, вверх, где сияло золото створок, а после уставился на меня.

– Не-не-не, – замахал руками я. – Сам-сам-сам. Чтобы потом не было разборок в стиле «это ты мне посоветовал». Знаю, что ты так никогда не поступал, но то раньше, когда мы не столько воевали, сколько забавлялись. Если сравнивать недавний мятеж с той круговертью, что нас ждет в ближайшем будущем… Короче, сам решай. Да и необъективен будет мой совет, поскольку и я, и мои родичи, и все мои сподвижники, со многими из которых ты знаком, давно уже присягнули великой Тиамат.

– О чем тогда думать? – передернул плечами Вайлериус. – Все враги служат Месмерте и Витару, все друзья отдали свои судьбы в руки Тиамат. Ведите нас, юная леди, мы следуем за вами.

Пауни застыла на мгновение, как видно переваривая словосочетание «юная леди», но после все же двинулась вверх, мерно переступая со ступеньки на ступеньку. Ну а мы, разумеется, последовали за ней.

В главном зале чертога Тиамат с моего прошлого визита ничегошеньки не изменилось, разве что только на самом деле ни одной, ни другой змеюки у трона не наблюдалось. Впрочем, вскоре я приметил Апофсса, который впрямь затаился в углу, напоминая издалека большую груду нестиранной камуфлированной формы.

И насчет богини Пауни, увы, сказала чистую правду. Моя работодательница из небесных сфер пребывала далеко не в лучшем настроении, это было заметно сразу.

– Мне пришлось вас ждать! – Ножка в золотой туфельке топнула по мрамору пола. – Это недопустимо.

– Далека дорога в облака, – сообщил я ей смиренно. – Опять же, есть и более веские причины. Сегодня воины, что присягнули вам на верность, вышли на ристалище, встав лицом к лицу с другим отрядом, бьющимся во славу Месмерты. Я и мои люди должны были поддержать их своим присутствием.

– Этот бой был проигран, – грозно сдвинула брови богиня.

– Я бы так не сказал. Наши друзья дрались как львы и умерли все до единого, но никто из них не струсил и не показал врагу спину. Можно ли это считать поражением? Мне кажется, что нет. Особенно если учесть, что ваша сестра, несомненно, помогла своим поединщикам. Даже слепой это заметил бы. Вы же ничего такого делать не стали, хоть я вас и молил о том.

– Не стала, – подтвердила Тиамат. – Ты прав. Такова моя позиция с начала времен. Те, кто встал на мою сторону, должны понимать, что успех в любом бою куется их собственной силой, волей и разумом, а не беспрестанной помощью свыше. Легкие победы развращают людей, они начинают думать, что их мощь и способности беспредельны, а это не так. И когда приходит время решающей битвы, той, в которой сойдутся не только люди, но и боги, победит тот, кто к этому привычен, тот, кто научился рассчитывать только на себя самого и тех, кто стоит с ним плечом к плечу. И даже если в этой последней битве случится так, что меня сразят, все равно у вас, моих детей, останется шанс на победу. Может быть, всего один из тысячи, но он останется. У тех же, кого Месмерта сейчас накачивает своей силой, нарушая все правила, его в помине не будет.

– Все правильно, – внезапно подал голос Вайлериус. – Только так и должно быть.

– Рада, что ты это понимаешь, принц, – милостиво кивнула ему Тиамат. – Ты из числа тех людей, которых я всегда желала видеть среди своих сторонников. Уверена, что многие из твоего окружения, были не слишком высокого мнения о твоих способностях. Они видели в тебе слабого и избалованного мальчишку, который по простой прихоти сменил залы дворца на темные тропы, по которым бредут сотни искателей приключений. Но это не так. В тебе есть внутренний стержень, который невозможно согнуть и тем более сломать. А все те беды, что обрушились на тебя в последнее время, увеличили, а не уменьшили твои силы.

Навела, стало быть, богиня справки о моем приятеле. Не иначе как Пауни постаралась, побродила по миру, набрала информации по крохам.

– Не сомневаюсь и в том, что у тебя хватит сил и мужества для выбора своей будущности, – продолжала вещать богиня. – Правда, на этот раз ты встанешь не только против своей матери и королевства, которое, заметим, и так твое по праву. И не какому-то, а праву рождения! Нет, на этот раз ты выходишь на бой с теми, кто стоит за ней. Ты станешь сражаться с богами. И я не могу не спросить: готов ли ты к подобному противостоянию? Хватит ли у тебя сил пройти этот путь

до конца? Пойми, их гнев будет силен, но он не сравнится с той карой, что падет на тебя в том случае, если ты задумаешь отказаться от взятой на себя ноши. Для моих родичей ты будешь враг. Для меня, случись то, что я описала, ты станешь отступником.

– Я уже все для себя решил, – звонко сообщил ей Вайлериус. – И, уж не обессудьте, милостивая Тиамат, за мои слова, но дело не только в ваших амбициях и желаниях. Как верно было замечено, это мое королевство. Я не хочу, чтобы кто-то использовал его и людей, что там проживают, как разменную монету в своих играх. И мою маму тоже. Она хорошая, просто ей власть в голову ударила. Если бы я знал, что вот так выйдет, то вообще бы не дал ей той ночью, когда Фредерика удавили, из дома выйти. Пусть бы она дальше в саду розы растила. Сразу предупреждаю – я не стану ее убивать. И другим не позволю.

– Пусть будет так, – разрешила Тиамат. – Сыновний долг – это святое.

Следом за этими словами она глянула на меня, и я сразу понял – не жить Анне. Определила уже ее судьбу наша покровительница, причем приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит.

И возложит она эту обязанность на меня и моих людей. Все в лучших традициях: я сказала, а ты думай, Хейген, как убить монарха так, чтобы все остались довольны и никто ни с кем не поссорился.

– Ну а теперь, принц Вайлериус, осталась небольшая формальность. – Богиня закинула ногу на ногу. – Принеси мне клятву верности и получи в ответ мое благословение. Ну а после можешь отправляться в поход за своим королевством.

– А что говорить-то? – немного обескураженно уточнил у меня приятель.

– Да что хочешь, – ответил я. – Канона нет. Хоть песню спой.

Погорячился я, не учел того, что в моем старом приятеле, несмотря на все те неприятности, в которые он влипал, по-прежнему силен творческий потенциал. В результате он зарядил красивую и витиеватую речь минут на семь, причем периодически проза в ней сменялась стихами.

Апофсс и тот в углу под конец протяжно зевнул. Кстати, не знал, что змеи, пусть даже такие здоровые, на подобное способны.

– В былые времена я бы налево и направо хвасталась таким славным миньоном, как ты, – сообщила принцу богиня. – Воинов у нас всех среди паствы хватало, а вот философов и поэтов – нет. Впрочем, может, еще и удастся это сделать. Итак, подытожим. Вайлериус, ты готов вернуть себе Западную Марку и привести ее под мою руку?

– Да, светлая богиня Тиамат, – приложив руку к сердцу, мой приятель склонился в поклоне.

«Вами выполнено задание “Новая надежда”.

Награды:

12 000 опыта;

почетная привилегия (будет активирована в случае успешного завершения всей цепочки заданий);

один предмет из малого зала королевской сокровищницы (будет получен в случае успешного завершения всей цепочки заданий)».

Вот тебе и раз! Неожиданно, но зато как приятно!

«Вам предложено принять задание “Воины для принца”.

Данное задание является вторым в скрытой цепочке квестов “Новый король Запада”.

Условие – самостоятельно отыскать для мятежного принца Вайлериуса не менее 1 000 сторонников, готовых встать под его знамена.

Награды:

25 000 опыта;

один предмет из сапфировой шкатулки с украшениями, хранящейся в большом зале королевской сокровищницы (будет получен в случае успешного завершения всей цепочки заданий);

пассивная способность “Вербовщик”;

получение третьего квеста цепочки».

Вот тебе и два! И снова неожиданно, и снова приятно. Всего-то тысяча сторонников? Да это даже не смешно. У меня в северных фьордах на кораблях в полтора раза больше предоплаченных Морских Королей сейчас спивается от безделья!

Одно плохо – уже второй квест подряд в качестве награды отсроченные платежи идут. Дескать, победи, и будет тебе мзда. А в качестве предоплаты только чутка опыта отсыпают и непонятную «пассивку» дают.

– Если тебе нужно золото – скажи, – тем временем предложила Вайлериусу богиня. – Я дам тебе его столько, сколько нужно.

– Не стоит мерить мою верность монетами, – попросил ее принц. – Этот вопрос, если понадобится, я решу сам.

– Достойный ответ, – одобрила Тиамат. – Что ты скривился, Хейген? Или ты не согласен со своим другом?

– Не согласен, – решительно заявил я. – Иногда хороший план рушится из-за того, что тебе не хватило пригоршни монет для подкупа стражника. Всего одного стражника, того, который поднимет тревогу, ту самую, что погубит и тебя, и твой отряд, и все дело. Потому предлагаю поступить так: я оставлю за собой право в случае особой необходимости обратиться к тебе, светлая Тиамат,

за финансовой поддержкой. Сам попрошу, без твоей помощи, Вал.

– Да будет так, – кивнула небожительница. – А теперь, воины, вам пора идти. Вас ждут великие дела.

– И немалые хлопоты, – согласился с ней я, отвесил поклон и направился к выходу.

Вайлериус повторил мои движения как под копирку.

– Впрочем, постойте, – остановил нас голос богини. – Принц Вайлериус, посмотри сюда.

Мы обернулись и даже зажмурились от блеска, что ударил нам в глаза.

Корона. В руках Тиамат сверкала сотнями самоцветных огней корона невероятно тонкой работы. Скорее всего, гномьей. Вряд ли среди людей найдется мастер такого уровня.

– Это корона Свендельбарда, – сообщила нам богиня. – Самого первого короля Запада, твоего очень дальнего предка. Именно он изгнал с этих земель живших там от начала времен орков и троллей, он заложил первые города, и он создал законы, которые хоть и порядком изменились, но все же худо-бедно действуют в твоих краях. Как только ты, принц Вайлериус, победителем войдешь в тронный зал своих предков, я приду туда, к тебе, и сама возложу на твое чело этот венец. И никто не посмеет после этого назвать тебя узурпатором, ни единый смутьян, потому что эта корона, о которой по сей день ходят легенды, не может возлечь на голову того, в ком нет крови первых властителей Западной Марки. Ступай, будущий король Вайлериус, я желаю тебе удачи и надеюсь на скорую встречу в самом сердце твоих владений!

Глава вторая,

в которой герои в очередной раз выбирают свои дороги

– Я сделаю все для того, чтобы эта встреча случилась, – снова поклонился богине принц. – И благодарю вас за то, что вы потратили свое бесценное время на встречу со мной.

– Вот, Хейген, учись, – назидательно произнесла богиня. – Сразу видно, что человек знает, как общаться со своими покровителями.

– Куда уж нам уж, – разгильдяйски ухмыльнулся я, подсознательно поняв, чего именно сейчас от меня ждет Тиамат. – Мы из рабоче-крестьян, нам законы не писаны. И поверьте, я еще не самый худший представитель из тех, кто служит вам. Окажись тут моя дочь или, к примеру, ваш любимчик Флоси, то на их фоне…

– Флоси не обижай, – погрозила мне пальцем богиня. – Он блаженный, а они испокон веку находились под защитой высших сил.

– Алкаш он, а не блаженный, – не стал держать свое мнение при себе я. – Синяк первостатейный, каким-то чудом ухвативший за хвост птицу синего цвета. Впрочем, кто из нас без греха?

– Я точно нет, – вздохнул Вайлериус. – И чем дальше, тем их на моей душе больше. А Флоси твой славный малый. Пахнет только очень сильно.

– Дело привычки, – пояснил я. – Через какое-то время к нему принюхиваешься, и вроде как все ничего. Но в целом все верно, он настоящий друг и боец хоть куда. Впрочем, у нас все такие, на том стоим. Собственно, потому до сих пор и живы.

– Если вы все умрете, я буду очень недовольна, – снова вступила в беседу Тиамат. – Помни это. А еще у меня есть для тебя подарочек. Хоть ты, Хейген, и вздорен иногда без меры, а также позволяешь себе иногда в моем присутствии лишнее, я все же не забываю, что именно ты первым присягнул мне на верность. Апофсс, прекрати ютиться в углу и принеси то существо, которое вчера доставила в замок Пауни.

Так подарок – это существо? Господи, это о ком же речь? Надеюсь, не о Сэмади? Мой костлявый друг в жизни не простит подобного унижения. Нет, не богине, а мне. Если точнее, того, что я его в подобной ситуации видел.

Гигантский змей, шурша чешуей по мраморным плитам пола, обогнул нас с принцем (причем последний при виде жуткой рептилии ощутимо побледнел) и скрылся в темноте, которая начиналась за спинкой трона.

– Хейген, а что там с моим маленьким поручением? Ты собираешься его выполнять?

– Вы о каком именно речь ведете, великая? – уточнил я. – Все мои дела – ваши, и каждым из них я занимаюсь по мере сил и времени.

– Мне нужны лучшие бойцы континента, – пояснила Тиамат. – Некоторых из них ты уже поставил в мой строй. Некоторых, но не всех!

А, да, точно. Есть такой квест, давно без движения лежит. Но исключительно по объективным причинам, коих без счета. Основные из них – лень и неохота. Ну вот нет у меня желания в Великую Степь тащиться. Плюс туда ведь попрешься, так непременно нахватаешь каких-то новых проблем и квестов, с которыми тоже после придется разбираться.

Хотя, конечно, смысл в этой вылазке все же есть, есть. Ведь там, помимо очередного великого бойца, где-то обретается некий Уурш, который некогда служил Витару, а теперь сам себе головой стал. И есть у него слезинка Демиурга, которая мне очень сильно нужна.

– Чем больше прирожденных воинов и тех, кто идет за ними, окажется в наших рядах, тем выше шансы на победу в будущем, – отчеканила Тиамат. – Усвой это уже, Хейген.

– Да знаю я это. Но вот только часов в сутках от понимания больше не становится. Эх, придумал бы кто-то такую штуку, чтобы можно было сразу в нескольких местах оказываться в одно и то же время.

– В Академии Мудрости с подобными материями опыты проводили, – сообщил нам вдруг Вайлериус. – Да-да. Но кончилось все плохо, одну неугомонную студентку, которая решила при помощи оного изобретения проявить непомерное рвение в учебе, затащило во временную петлю. С тех пор ее никто не видел. Мэтры считают, что ее закинуло в другое пространство и время, причем в качестве духа, а не материального тела. С того момента подобные

эксперименты в Академии запрещены, а та профессура, что ими занималась, была сослана на окраины Марки. Их использовали в качестве учителей для сельских школ.

– Какая неприятная история, – поморщился я. – Одно хорошо – периферийная нива образования получила квалифицированных наставников. Нет, я уж лучше обойдусь без эдаких диковин. Сам как-нибудь планы свои подкорректирую.

– Вот-вот, – одобрила мои слова богиня. – Подкорректируй. И поживее. А, вот и подарочек твой пожаловал. Забирай и никогда больше не говори, что я, Тиамат, тебя обделяю своими милостями.

– Никогда я такого и не утверждал, – отозвался я, вглядываясь в лицо того, кто в данный момент висел над полом, подцепленный за одежду клыками Апофсса, не дергаясь и даже не дыша. – Батюшки святы! Ой, богиня, как же вы меня порадовали! Как мать родная! Да ведь это мой нежно любимый бывший казначей! Ромулушка, сокол ясный, ведь это ты, верно? Ну-ка, помаши рукой дядюшке Хейгену! Помаши, говорю!

– В самом деле, вас же просят, – поддержал меня Вайлериус. – Что вам, трудно рукой двинуть?

– Махни уже, паршивец, – велела Ромулу и богиня. – Сказано тебе!

Ворюга шмыгнул носом и очень осторожно, косясь на ядовитые клыки, пару раз судорожно дернул правой конечностью.

– Прелесть какая, – притворно всхлипнул я и потер сухие глаза. – Нашлась моя пропажа! Спасибо вам, великая Тиамат, это не просто подарок, это нечто большее.

Апофсс разжал клыки, Ромул плюхнулся на пол и, не вставая на ноги, шустро подполз ко мне.

– Печать где, лишенец? – ласково спросил у него я, как только тот оказался совсем рядом.

– К-какая печать? – пробормотал воришка, не спеша подниматься.

– Та самая, – чуть повысил голос я. – Давай сюда, говорю!

– Тут такая штука вышла, – начал бормотать Ромул. – Я же так и так собирался ее вам отдать, она ко мне случайно попала, но когда…

– Апофсс, – обратился я к рептилии, которая постукивала хвостом по полу, с интересом наблюдая за происходящим. Клянусь, мегазмей, похоже, на самом деле все понимал. – Не окажешь мне небольшую услугу, не сожрешь его?

– Пс-сш-ш-ш-ш, – издал жуткий звук гад и мотнул своей башкой размером со стол, при этом с его клыков сорвалось две зеленоватых капли яда, плюхнувшиеся прямо перед носом казначея.

– Вот она, – наконец-то вскочил на ноги Ромул. – Держите.

Он протянул мне печать, выглядевшую, заметим, весьма презентабельно и внушительно.

– Скотина ты эдакая, – укоризненно сказал я ему. – Мы с тобой как с человеком, вон в свое общество приняли, пенсию тебе оформили, а ты? Э-хе-хе.

– Вы все не так поняли, дражайший лидер! – затрещал воришка, как кузнечик. – На самом деле таким образом я пытался пополнить казну нашего с вами детища, нашего лучшего в мире клана…

– Повесь этого поганца после того, как выжмешь из него все тебе потребное, – посоветовала мне Тиамат. – Или четвертуй. Такие, как он, во сто крат опаснее любой вражеской рати, пусть даже и стоящей под стенами твоей крепости. Там враг внешний, потому предсказуемый. Тут же все совсем по-другому.

– О чем-то подобном сам сейчас размышлял. – Я сграбастал мигом обмякшего и испуганно на меня смотревшего Ромула за шиворот. – Четвертовать? Это интересно.

– Прощайте, – произнесла богиня. – Жду вас с добрыми вестями!

Она взмахнула рукой, мир вокруг закрутился, а через секунду мы оказались там, откуда нас забрали в небеса, – на лестнице, ведущий в коронный замок Пограничья. Правда, народу тут изрядно прибавилось. Не стали, выходит, мои соратники протирать штаны на Арене, вернулись домой.

– Амадзе! – крикну я и тряхнул Ромула за шкирку. – Ты тут? Гляди, какой я тебе презент припер!

– Ну-ка, ну-ка, – раздался откуда-то из-за спин воинов, мигом обступивших нас с принцем, голосок казначея. – Что тут?

Он пробился вперед и замер, глядя на скукожившегося при его появлении проворовавшегося предшественника.

– Ой! – умиленно произнес Амадзе и молитвенно сложил ладони. – Ой! Это мне? Да?

– Тебе, – подтвердил я. – Забирай и делай с ним чего хочешь. Тиамат мне посоветовала применить к нему повешение или четвертование, но ты сам решай, как поступишь. Это твоя добыча. И вот тоже держи. В сейф убери, что ли.

Я перекинул ему клановую печать, так нелепо было утерянную. Вернее, халатно.

– Можешь мне подарок на Новый год не дарить, – сообщил казначей, доставая из сумочки длинную и тонкую серебряную цепь откровенно кандального вида. И где он только такую раздобыл-то? – Ну что, ворюга, здравствуй. Давай ногу, будем тебя, как птичку, окольцовывать.

– Нельзя человека, словно медведя, на цепь сажать, – сообщил ему Ромул. – Это негуманно.

– Так то человека, – возразил ему Амадзе, защелкивая браслет на левой ноге. – И то лишь в просвещенных до абсурда западных краях. А у нас тут Пограничье, если ты забыл, нравы здесь дикие. Зато действенные. Пошли, милок, я для тебя не только цепку, но и клетку припас. Будешь у меня вместо попугая в ней сидеть. Скучно мне, понимаешь, без домашней зверушки. Ну-ка, скажи – пиастры, пиастры!

– Да пошел ты, – сплюнул Ромул, причем эта фраза, кажется, была первой им искренне произнесенной за сегодняшний день. А может, и год.

– Не пошел ты, а пошли мы, – подсказал ему казначей. – Но в целом все так, все верно. Поспешать надо, дел-то полно. Мне еще твой клад, тот, что ты неподалеку в рощице зарыл, заактировать надо в приходной книге. Кстати, хороший клад. Богатый. Видно, что времени ты даром не терял.

Ох, как тут Ромул принялся сквернословить! Заслушаешься. Как видно, не ожидал он, что мы до его захоронки добраться сможем. А самое главное, не понимал, как же это мы так про нее пронюхали?

– А потом, как в клетке насидишься, мы с тобой по душам еще не раз побеседуем, – дождавшись тишины, продолжил Амадзе. – Ты мне все расскажешь – и что знаешь, и чего не знаешь. Ну и на вопросы Хейгена ответишь максимально полно и честно. У него их много к тебе накопилось. Не сосчитаешь сколько.

Я проводил эту парочку взглядом, восхитился железной уверенностью в собственных силах, которую излучал Амадзе, а после осведомился у окружавших меня соратников:

– Кролина где?

– К Гедрону направилась, – ответила Мысь. – С остальными старшаками. Утешать пошли. А тебя на пару с принцем Лоссорнах искал. Вы бы сходили к нему, мало ли что? Все-таки монарх. Надо уважить.

– Надо, – согласился я. – Святое дело. Вайлериус, пошли.

Лоссорнаха мы обнаружили в большой каминной зале, в большой компании, состоявшей из одних гэльтов, несомненно прибывших из самых отдаленных мест Пограничья. Это было видно и по цветам фейл-брекенов, в которых я потихоньку начал разбираться, и по внешнему виду. Тут ведь как – чем дальше в холмы, тем более дико выглядят их обитатели.

– Брат мой! – обрадовался король, заприметив меня. – Хорошо, что пришел.

– Мое почтение всем, – отозвался я. – Мне сказали, ты меня искал?

– Есть такое, – уточнил Лоссорнах. – Гость у меня нынче непростой и желанный. Друзья, знакомьтесь, вот это Хельг, глава клана Мак-Эверс.

Речь шла о высоченном и кряжистом старикане, сидевшем рядом с ним, который, услышав свое имя, опустошил литровую кружку эля и звучно рыгнул.

– Я за ним Рыжего было отправил, а он взял и сам ко мне в замок приехал, – пояснил король, заметив на моем лице недоумение. Ну, оно и понятно, разговор на тему того, что неплохо бы к принцу охрану из гэльтов приставить, случился буквально вот-вот, не могли наши замыслы настолько быстро реализоваться. – Это доказывает правильность принятого решения. Просто так боги звезды воедино не сводят. Значит, и им это нужно.

– Резонно, – согласился с ним я.

– Искупать позор клана надо, – наконец-то подал голос Мак-Эверс. – За Брана ответ держать.

– А, так вы с ним родственники! – догадался Вайлериус. – То-то, гляжу, похожи немного внешне.

– Он был мой сын, – хмуро пояснил Хельг. – Когда-то. Теперь он никто, а скоро, надеюсь, станет трупом. Теперь вот что. Парень, видишь этих воинов? Теперь они все время будут рядом с тобой, и любому злодею, который надумает пустить тебе кровь, сначала придется иметь дело с ними. Такова наша расплата за то, что натворил Бран.

– А… – как видно что-то желая возразить, повернулся ко мне принц, но я залепил ему рот своей ладонью.

– Еще вот что, – старый Мак-Эверс кашлянул. – Слышал я, он с твоей матушкой, стало быть… Кхм… Того. Ну…

– Я понял, – отодрав мою руку от своего лица, ответил ему Вайлериус. – Это…

– Это позор, конечно, – перехватил у него инициативу вождь. – С вдовой жить вот так, без обряда освобождения от прежних брачных уз, без очистительной жертвы, без согласия родственников погибшего мужа, без моего согласия… Добро бы он был обычный воин, тогда еще ничего, но он сын вождя. Да. Но, парень, маленько этот позор уже смыт. Бран отныне не сын вождя и не часть клана Мак-Эверс. Потом мы его убьем, и счет окончательно будет закрыт. Ну и, если хочешь, можешь взять себе в наложницы одну из моих младших дочерей. Не навсегда, конечно, только на то время, что война идет.

– Ого! – произнес Лоссорнах, на его лице отразилось немалое удивление. Как видно, подобное предложение было невероятно щедрым. Ну или очень необычным.

– Мак-Эверсы всегда платят долги, – буркнул старый Хельг. – Честь клана выше личной гордости.

– Я что хотел сказать, – наконец-то смог вклиниться в разговор Вайлериус. – Не надо этого всего. Что случилось, то случилось. Ну а Брана я…

– Он наш, – басовито прогудел Хельг и сдвинул седые брови к переносице. – Мы его по обычаям холмов судить станем. Что до остального – мои воины идут с тобой, рядить тут не о чем.

– И после еще полтора десятка к ним прибавится, – добавил Лоссорнах. – От трех кланов поменьше, чем Мак-Эверсы. И даже не спорь, принц. В наших землях есть свои традиции и законы, не след их нарушать.

– Да мне только в радость такая компания, – широко улыбнулся Вайлериус. – Я же понимаю, что Хейген не сможет пройти со мной весь путь, а одному в такую длинную дорогу пускаться как-то страшновато.

– Хороший парень, – осушив очередную кружку, крякнул старший Мак-Эверс. – Только истинно сильный воин может признаться в том, что он чего-то опасается. Так что насчет моей младшенькой, парень?

Ой, непрост ты, дядька Хельг. Не дает тебе покоя, похоже, трон Запада. Через Брана на него вскарабкаться не вышло, теперь пытаешься через дочь добраться. Шутка, конечно.

Впрочем, в каждой шутке есть доля правды. Хотя… Да нет, не может такого быть.

– Да, Вал, вот еще что, – я ткнул пальцем в направлении правой стены. – Там… Или там? Короче, где-то на границе есть такая долина, Эдмон называется. Твои предки ее у Пограничья отжали по праву сильного. Я к чему – ты после восшествия на престол вернул бы ее обратно, а?

– Ну зачем так-то? – проворчал Лоссорнах, отводя глаза в сторону. – С места в карьер.

– Хорошо, – легко согласился со мной принц. – Тем более что это кажется мне справедливым. Король, не надо смущаться. Это не плата за ваши клинки и кровь, а дружеский поступок. Мы же не только союзники, мы же друзья? Я не ошибаюсь?

– Разумеется. – Лоссорнах отсалютовал кубком Вайлериусу, а следом зло рявкнул: – Кравчий, негодяй, почему у моего собрата чаша пуста?

За первым тостом последовал второй, далее третий, и в результате на Север принц прибыл, назовем это так, тепленьким. В Пограничье я решил его не оставлять, поволок к кенигу. Во-первых, я обещал их познакомить. Во-вторых, надо Вайлериусу передать бразды правления над Морскими Королями, это его войско, вот пусть он ими теперь и рулит. Чую, придется мне все же тащиться в Великую Степь, и бог весть, насколько я там застряну. Ну и в-третьих, мне только не хватало в следующий раз найти принца в компании той самой «младшенькой» гэльтки. Она моего приятеля быстро к рукам приберет, знаю я и местных девиц, и его мягкотелость.

Что примечательно, и у кенига тоже шла пьянка, у меня даже на секунду возникло ощущение, что мы Пограничье вообще не покидали. Тот же эль в массивных кружках, те же толстые ломти жареного мяса на здоровенном блюде, те же небритые рожи матерых вояк, расположившихся вокруг стола. Разве что наряды у этих другие. Те в фейл-брекенах красовались, а эти стали на себя нацепили столько, что хоть в металлолом их сдавай.

– А, Хейген! – заорал изрядно поддатый кениг Харальд. – Ты вовремя! А это кто с тобой? Кого ты с собой приволок? Нет, я не про хитрую рожу, что вечно торчит за твоим плечом, ее я помню. Я вот про этого юнца.

Хитрой рожей он Назира назвал, ведь тот снова невесть как смог просочиться с нами в пиршественную ложу. Гэльты, правда, остались у входа в здание, остановленные вновь занявшей свои места охраной. Они подобным решением остались недовольны, но спорить все же не стали.

– Тот, кого ты хотел видеть, – пояснил я. – Позвольте представить вам, кениг, наследного принца Западной Марки Вайлериуса. Ну и будущего короля, если все пойдет как надо.

– Родич! – раненым слоном взревел владыка Севера и, пошатываясь, направился к нам, раскидывая на ходу руки для объятий. – Племяш! Вот радость-то!

– Племяш? – неуверенно уточнил мой приятель и глянул на меня. – В самом деле?

– Есть такое, – подтвердил я. – Его отец был женат на родственнице Фредерика, что до твоей мамы правил, а она с ним в каком-никаком, а родстве. Так что – да.

В результате Вайлериус был обнят так, что у него кости затрещали, расцелован и усажен за стол.

– Мы – ух-х-х-х! – через минуту уже втолковывал ему Харальд, размахивая полуобглоданным кабаньим окороком, как палицей. – Всех сокрушим, тебя на трон посадим! Вон видишь, какие молодцы за столом сидят? Это лучшие из лучших, это ярлы Морских Королей. Именно их мечи возведут тебя на трон.

– В самом деле? – Вайлериус даже протрезвел от услышанного, он вглядывался в лица суровых воинов Севера и, похоже, начинал верить в то, что затеянное нами дело не так и безнадежно. – Они пойдут сражаться за меня?

– Пойдут. Это факт, не требующий доказательств, – подтвердил я, а после гаркнул во все горло: – Пойдете же?

– Само собой, – ответил самый старший из северян, седые усы которого плетьми чуть ли не до мотни свешивались. – Уплочено. Так что либо мы всех врагов этого мальчишки убьем, либо сами погибнем. Но со славой!

Брякнули кружки, сдвигаясь в едином порыве, забулькал эль, переливаясь в бездонные глотки ярлов.

– Полторы тысячи клинков, – пояснил я принцу. – Плюс боевые корабли. Они твои, брат. Это основа твоего войска, его становой хребет. Ну а там, глядишь, и еще народ потянется.

«Выполнено задание “Воины для принца”.

Награды:

25 000 опыта;

один предмет из сапфировой шкатулки с украшениями, хранящейся в большом зале королевской сокровищницы (будет получен в случае успешного завершения всей цепочки заданий);

пассивная способность “Вербовщик”».

Ну, кто молодец? Харитон молодец! Как знал!

«Вам предложено принять задание “Магическая поддержка”.

Данное задание является третьим в скрытой цепочке квестов “Новый король Запада”.

Условие – самостоятельно отыскать для мятежного принца Вайлериуса не менее пяти сильных магов-НПС, готовых встать под его знамена.

Награды:

25 000 опыта;

один предмет из аметистовой шкатулки с украшениями, хранящейся в большом зале королевской сокровищницы (будет получен в случае успешного завершения всей цепочки заданий);

свиток с одноразовым заклинанием (рандомно);

получение четвертого квеста цепочки».

Вот это уже хуже. Воины что? Воинов всегда найти несложно, а вот маги – товар штучный, особенно сильные. Да еще и НПС, что совсем скверно. Ладно бы одного, можно было бы попробовать как-то Бахрамиуса на это дело подрядить, но тут-то пятеро нужно. Я, собственно, за полгода игры с таким количеством магов-НПС даже и не познакомился.

Ладно, перемелется – мука будет. Мир велик, не может такого быть, чтобы в нем не нашлось нужных мне пяти магов. С тем же Бахрамиусом можно посоветоваться, наверняка он знает таких своих коллег, которые готовы встать под любые знамена, лишь бы за это полновесным золотом платили.

– Сила Севера! – заорал кениг, вздымая кружку над головой и проливая часть пенного напитка себе на волосы. – На Запад!

– На Запад! – поддержал его многоголосый хор сотрапезников.

– Этого мало, – глянув на ходившие ходуном кадыки бородачей в железе, негромко сообщил мне Вайлериус. – Да, ты прав, эти бравые парни станут основой моего войска и острием меча, но нужны те, кто сможет прикрыть их спины.

– Поищем – найдем.

– Я понимаю, что у тебя хватает своих дел, – отведя взгляд в сторону, произнес Вайлериус. – Но не мог бы ты составить мне компанию в одном путешествии?

– Каком это?

– Мне надо наведаться в джунгли Юга, – пояснил Вайлериус. – Наш повстанческий отряд тогда погиб почти весь, но он был не единственным, есть и другие. В прошлый мятеж я не стал просить их о помощи, но сейчас ситуация совсем другая. Мне нужны все, кого я могу собрать.

Юг? Юг – это хорошо. У меня же миссионерский квест, выданный Тиамат, висит. И южан в этом списке лояльности пока нет. Его и Востока. Кстати, именно на Юге я и ожидал заполучить основные трудности, а тут вон как все замечательно складывается.

– Хорошо, – согласился я. – Давай туда наведаемся. Только не сегодня, хорошо? Ты пока давай поспи, поешь, наберись сил, они тебе скоро ох как понадобятся. Да, вот тебе денег некоторое количество, надо же твоих телохранителей разместить и накормить. Дом сними, к примеру. И очень тебя прошу, не покидай пределов бурга, ясно? Места тут непростые, глухие, недобрые.

– Не буду, – пообещал принц, улыбнувшись. – Но ты все же не тяни. Мне кажется, времени у нас почти не осталось. А мне ведь еще надо домой, на Запад, вернуться. На окраинах Марки осталось много баронов, которые с радостью выступят против моей матери в обмен на определенные вольности. Они еще тогда, в прошлый раз, были очень недовольны заключенным перемирием, им хотелось довести дело до конца. Надеюсь, этот огонь не потух, превратившись в золу, и их воины встанут под мои знамена.

И я надеюсь. Народу надо много, ведь против нас выступят не только рати Запада, но и игровые кланы, присягнувшие Месмерте. А может, даже и Витару. Муж и жена – одна сатана.

– Хейген, – лапища Харальда ударила меня по плечу. – А ты меч-то оценил, что я тебе подарил? Такой клинок под стать любому из существующих сейчас в мире королей, так-то! Я бы сам пользовался, да больно он короток. Раньше народ помелкотравчатей был, понимаешь!

А, да, точно, получил я от него что-то такое в награду за квест. Опять небось какую-то бесполезную железку подсунул, которую даже распоследний вендор покупать не станет.

«“Укус гадюки”

Некогда этот меч принадлежал великому воину Севера, который при помощи стали, разума и кулака смог заполучить все, что он хотел от этой жизни: славу, богатство и любовь прекрасных женщин.

Он убивал как жил – легко и не задумываясь, но при этом никогда не лил чужую кровь ради удовольствия. Он был верен дружбе, но безжалостен к отступникам. Он всегда шел в бой первым, не прячась за чужие спины. Он смеялся над болью и страхом и встретил свой последний час с улыбкой на устах, зная, что за его смерть отомстят.

Урон 1265–1315 единиц.

+ 460 к силе;

+ 300 к ловкости;

+ 150 к интеллекту;

+ 90 % к шансу нанести удвоенный урон при контратаке;

+ 70 % к шансу нанести урон ядом;

+ 30 % к прочности доспехов;

+ 30 % к маскировке;

+ 20 % к возможности выбить оружие из рук противника;

+ 15 % ко времени, которое вы можете провести под водой;

10 % скидка у всех кузнецов Севера.

Данный предмет невозможно сломать.

Ограничения к классовому использованию предмета – воины.

Прочность 2 000 из 2 000.

Минимальный уровень для использования – 95.

Внимание!

К данному мечу некогда были изготовлены ножны, причем сделал их Вейланд-кузнец, личность на Севере очень известная и значимая. Талант коваля в его руки вложили боги, они же сообщили ему ряд секретов мастерства, которые нынешние кузнецы знать не знают. Если вы сможете отыскать эти ножны и завладеть ими, то меч получит дополнительные характеристики, став при этом невероятно грозным оружием, при одном виде которого ваши враги будут терять волю и надежду на благоприятный исход поединка».

О как! Нет, положительно с этим Харальдом не заскучаешь. Столько раз подсовывать мне всякую хрень и, когда я уже махнул рукой на возможность получить от него хоть сколько-то путную награду, выдать эдакую цацу! Это даже не рандом, это как-то по-другому называется.

Или, может, в случае с ним работает какая-то накопительная система? «Собери десять шняжек, и выиграй одну путевую вещицу»?

А может, все проще? Может, он мне спьяну не то выдал, что собирался?

Но в любом случае – вещь! Этот меч куда лучше того клинка, которым я сейчас вооружен. И, что особенно здорово, он по уровню мне подходит.

– Спасибо, кениг! – поблагодарил я его. – Вон, видишь, он на боку у меня висит. А ножен к нему у тебя нет?

– Были такие, – икнув, поведал мне Харальд. – Мне дед рассказывал. Красивые, золотом изукрашенные, очень тонкой работы. Но, понимаешь, пропали куда-то. А куда именно – никто нынче тебе не скажет. Все, кто это знал, померли.

Ну, чего-то такого и следовало ожидать. Не иначе как в могильнике каком-то лежат или в подземелье, и получить их можно только случайно. Нет на них квеста. Существуй он, то после такой фразы непременно открылся бы.

А жаль! Тут я бы точно заморочился.

Кстати! У меня же еще одно приобретение есть. Свиток, что мне Пауни вручила, а я его на свой, обычный подменил.

Я достал из сумки свернутый пергамент, изукрашенный символами, и внимательного его изучил.

«Свиток перемещения расширенного действия, напоенный божественной силой.

Вероятность попасть в те края, где вы не планировали оказаться, – 15 %».

Расширенного действия, значит. И с немаленькой такой погрешностью. Хорошее приобретение, однако, в иных случаях лучше к черту на рога попасть, чем остаться там, где ты сейчас пребываешь. Так что надо держать его при себе, причем в том мешочке, вещи из которого после смерти не пропадают.

Сдается мне, он может даже с Серых Пустошей тебя в обитаемые места перенести, вот так-то. А мне в те края, похоже, раньше или позже наведаться придется, дабы навестить Мэрион-травницу. Вернее, ученицу богини по имени Фонди. Ведь именно у нее третья слезинка хранится, без которой мне никак не обойтись.

Хотя… Может, Странник наконец перестанет там отсиживаться и пересечет наконец Крисну? Ну а его подружка точно там, в Пустошах, не останется. Не тот это человек.

– А теперь споем! – предложил нам всем окончательно осоловевший кениг. – Самое время!

Нет, это уже без меня. Все, что я сегодня мог сделать в игре, выполнено. Пора на выход.

– Киф, боюсь показаться занудой, но я начинаю все сильнее бояться за твое здоровье, – сообщила мне Вика, смотря на то, как я выбираюсь из капсулы. – И психическое, и физическое.

– Сам за него боюсь, – переваливаясь, подобно удаву, через край, пропыхтел я. – Ой, мать твою так! Моя поясница!

– Твое все, а не только поясница, – уточнила Вика. – Ты в капсуле весь день провел, между прочим. Мыслимое ли дело? Хоть перерывы устраивай, что ли. Поиграл, вышел, разминочку сделал, поел – и лезь обратно. Но вот так-то зачем? Что за фанатизм? Посадишь же организм, как батарейку! Про остальное я и не говорю уж. Знаешь, сколько народу по психушкам лежит с раздвоением сознания из-за того, что они остановиться вовремя не смогли?

– Ты кому другому такое не брякни, мигом ведь донесут куда следует, – поднимаясь на ноги, посоветовал Вике я. – Это же, по сути, фронда в отношении работодателей. Наше дело – людей в игру тащить, а не наоборот.

– Люди – это люди, а ты – это ты, – хмуро ответила мне Вика. – Так, ты помнишь, что завтра рабочий день, без этих твоих виртуальных забав? Причем возражения не принимаются.

– Помню, помню, – делая наклоны, проворчал я. – Спецвыпуск на носу.

– Спецвыпуск – это уже так, частности. – Девушка встала с дивана и подошла ко мне поближе. – У меня есть куда более интересные новости. Интересные и неожиданные.

Глава третья,

в которой герой узнает производственные новости

– Ну же, удиви меня! – заинтересовался я. – Правда, не уверен, что у тебя это получится, поскольку последние два года мы только и делаем, что изумляемся разным всякостям.

– В «Московском вестнике» новый главный редактор, – сообщила мне Вика.

– Да? А старый куда делся? Ну, тот, что кресло Мамонта занял? И вообще он был? Я просто как-то даже не в курсе.

– Киф, ты серьезно? – опешила Вика. – Ты настолько не интересуешься тем, что происходит вокруг тебя?

– Вокруг меня происходишь ты, горстка сотрудников с кучей тараканов в голове, и еще иногда в поле зрения попадают работодатели. Этого всего лично мне с лихвой хватает. Что же до нового начальника еженедельника – хорошо, пусть он тоже будет. Но нам-то с этого что? Мы, слава сущему, автономны, потому от общей редакционной политики не зависим.

– Он так не считает, – произнесла Вика. – Сегодня к нам пожаловала его секретарша, тоже, кстати, новенькая, с ним в редакцию пришла. Так вот, она передала его «фи» по поводу того, что непосредственно ты не явился нынче утром на еженедельную планерку.

– А у нас и такие тоже есть? – заинтересовался я. – Надо же!

– Сама в шоке, – призналась девушка. – А еще она довела до нас устный приказ, согласно которому мы с тобой обязаны явиться к нему в кабинет завтра, к десяти часам утра. Как видно, он нас за манкирование обязанностями наказывать станет, ну или что-то в этом роде. Но это не наверняка, это уже мои личные домыслы.

– Маразм крепчал, – я рассмеялся. – Только не говори мне, что ты подобную ахинею всерьез восприняла. Скорее всего, товарищ не до конца разобрался во внутренних раскладах редакции, вот и пытается изобразить из себя новую метлу, которая чисто метет. Хотя, конечно, странно. «Московский вестник» –

собственность «Радеона», не мог этот товарищ не получить инструкции насчет того, кого трогать можно, а кого нет. Если только не…

– «Не» что? – поторопила меня Вика. – Киф, обрывать фразу на середине – привилегия женщин. Мужчинам такое не к лицу. У вас что на уме, то и на языке. Давай не станем нарушать традиции!

– Давай. – Я взял со стола коммуникатор. – Но сначала я Азова наберу, с ним пообщаюсь.

Илья Павлович ответил сразу, так, будто бы ждал моего звонка.

– Здравствуй, Киф, – дружелюбно пророкотал в трубку он. – Как твои дела?

– Периодически, – ответил я. – Когда хорошо, когда не очень. А иногда вовсе непонятно, как, например, сегодня.

– Будем считать, что этап намеков и аллегорий мы уже миновали, – предложил Азов. – Переходим к конкретике.

– Вику у меня сегодня в редакции немного смутили, – не стал с ним спорить я. – Пришла домой невеселая, не сказать испуганная.

– Ничего я не испуганная! – возмутилась моя сожительница, а после уже погромче добавила: – Не верьте ему, Илья Палыч!

– Все, можешь не продолжать, – хохотнул безопасник. – Понял я, о чем речь. Более того, не сомневался, что разговор на эту тему у нас состоится. Как узнал про назначение господина Голицына, сразу об этом и подумал.

– А откуда этот господин взялся? – уточнил я. – И вообще непонятно мне его рвение. Завтра вон вообще меня на ковер вызывает. Не подумайте превратно, у меня корона на голове не выросла, но отчего-то казалось, что с ним при назначении на данную должность должны были беседу провести на предмет того, кого в еженедельнике нагибать можно, кого нужно, а кого не стоит.

– Вот-вот, – поддакнула Вика.

– Должны были, – покладисто согласился со мной Азов. – И, думаю, даже провели. Вот только не уверен, что именно в том аспекте, который ты озвучил только что. Полагаю, что все было ровно наоборот.

– Версию уже можно озвучивать? – поинтересовался я. – В смысле – откуда ноги растут?

– Валяй, – разрешил Илья Павлович.

– Ядвига?

– Угадано, – подтвердил мой собеседник. – Она, родимая. Но не только. Этот Голицын фигура очень непростая. Вернее, не так. Сам Голицын прост и понятен, как бублик, там есть много амбиций, спеси и просто невероятное количество тщеславия. Но оно и не странно – мальчик из очень влиятельной семьи, после института, в который он, насколько я понимаю, толком даже не ходил, сразу попал в статусное издание, где проработал пару лет и откуда, несмотря на все связи, его все же вышибли. Со всем почтением и уважением, но вышибли. А теперь вот трудами родни его к нам пристроили. Вроде как с повышением.

– И зачем? – буркнул я, понимая, что, похоже, на мою голову свалилась очередная проблема. Знаю я таких молодых да ранних, сталкивался с ними раньше. Это реально тяжелая публика. А если учесть, что его еще и госпожа Свентокская на меня натравила, наверняка пообещав всяческую поддержку. – Илья Павлович, а чего, его никак на фиг послать было нельзя? Мне казалось, что для «Радеона» невозможного нет.

– Это потому, что ты последние месяцы обитаешь либо тут, либо в игре, – пояснил Азов. – Такое случается с очень многими из тех, кто обитает непосредственно тут, в этом здании, почти не выходя из него наружу. Эдакий комплекс герметичности, ощущение, что ты живешь в государстве внутри государства. А на самом деле жизнь снаружи никуда не девается вместе с ее проблемами, условностями, принципом «услуга за услугу» и так далее. Один из родственников этого господинчика весьма влиятельный функционер в некоем министерстве, и он нам крайне полезен в определенных ситуациях. Жизнь, друг мой, непредсказуема, и если есть возможность подстелить соломку до момента падения, то стоит это сделать.

– Ясно, – совсем уж расстроился я. – То есть рассчитывать на поддержку с вашей стороны мне не стоит? Ну, если я с ним закушусь?

– А ты это сделаешь непременно, – заметил Азов. – Или я тебя плохо знаю.

– Вы не ответили.

– Скажем так, если речь пойдет о заурядном конфликте интересов, то нет. Это ваши внутренние дела и моменты соподчинения, разбирайтесь сами. Если же он сдуру решит перевести свару из плоскости слов в плоскость физического насилия путем найма отбойщиков или займется саботажем, тогда я вмешаюсь.

– Теперь главное, чтобы Ядвига придерживалась той же точки зрения. А то силы будут неравны.

– За это не переживай, – приободрил меня безопасник. – На нее укорот точно найдется. Опять же, уволить он тебя в любом случае не сможет, тут у него руки коротки. И рублем ударить не получится, так что волноваться не о чем совершенно. Ну а если вдруг все-таки почуешь что-то не то, то непременно меня набери.

– Уже чую, – мигом ответил я. – Чую, что мне будут старательно мешать в достижении производственных целей. И я сейчас не о «Вестнике» говорю.

– Слушай, может, вы еще поладите? – предположил безопасник. – Вдруг случится невозможное, и вы подружитесь!

– Крайне сомнительно такое развитие событий. Илья Палыч, может, мне Зимину звякнуть?

– Хочешь сказать, что у него административных рычагов поболее, чем у меня? – с ехидцей осведомился у меня Азов. – Нет, друг мой, он скажет тебе то же самое, что и я. Кандидатура Голицына согласована и одобрена большинством голосов, так что прими это как данность. Да и родственник его частично за оказанную услугу уже расплатился.

– Блин, – совсем уж опечалился. – Ладно, хрен с ним. Пусть будет.

– Просто сразу в бутылку не лезь, – посоветовал мне Азов. – А после, глядишь, все у вас наладится. Стерпится – слюбится.

– Вот вообще не к месту пословица, – чуть не сплюнул я. – Даже учитывая толерантные времена.

– Ну да, двусмысленность вышла, – признал безопасник. – Прошу прощения. Но все же еще раз попрошу, ты сплеча не руби.

На том мы с ним и распрощались. Врать не стану, веселье с меня как рукой сняло. Во-первых, сама мысль о том, что надо мной теперь будет маячить некое начальство, пусть даже и неспособное всерьез насвинячить, не грела совершенно. Меня же сам факт этого будет бесить невероятно, слишком уж я привык за последнее время именно в редакции быть самому себе хозяином. Тут, в «Радеоне», – нет. А там – да. Во-вторых, неизбежное бодание с новоявленным руководителем-мажором может вылиться в некие неприятности для моих коллег. Ну да, они тоже не числятся в штате «Московского вестника», но уровень защиты от дурака в начальственном кресле у них меньше, чем у меня. И наконец, вся эта возня будет требовать времени, которого и так особо нет.

Но самое главное даже не это. Самое главное то, что Азов, похоже, снова закрутил какую-то очередную игру, в которой мне и моему окружению отведены роли, причем каждому своя. Кто-то станет просто статистом, кто-то раздражителем, а кто-то и жертвенным бычком. И не исключено, что крайняя роль как раз мне и предназначена. С той, правда, разницей, что в финале я попаду не на алтарь, а снова буду отпущен пастись на лужок и нагуливать жирок. Как минимум до той поры, пока я своим работодателям нужен. А потом вот фиг знает.

И ведь не пошлешь его куда подальше. Как ни крути, но чаще всего меня из дерьма вытаскивал именно Азов, а не кто-то другой. Правда, и влипал я в это самое дерьмо практически всегда именно из-за него. Но спасение в его лице почти постоянно являлось наглядным и очевидным, действия же, ставящие меня на край гибели, всегда были скрыты от глаз и существовали исключительно в области личных догадок и предположений. Да, граничащих с уверенностью, но той, которую к делу не подошьешь.

Плюс кто бы такое дело вообще сшивать рискнул? Я так точно нет.

Ладно, война – фигня, главное – маневры. Поглядим на нового начальника, составим о нем первичное впечатление, может, даже эксперимента ради с ним причиндалами померимся. Нет, не для того, чтобы выяснить, у кого мужской инструментарий длиннее, эти забавы остались в мальчуковой физкультурной раздевалке средней московской школы № 931. Надо понять, насколько быстро товарищ выходит из себя и до каких степеней раздражения дойти может. Ну а я на это погляжу, не забывая время от времени широко улыбаться. Почему? Потому что моя улыбка почти всех начальников, сколько их ни было, отчего-то раздражает. Кто-то по такому поводу может переживать начать, но лично я эту особенность почитаю за дар свыше. Скорее всего, единственный, других мне при рождении вроде не отсыпали.

А уж потом, если понадобится, можно и Зимину позвонить. А почему нет? Совсем не факт, что по данному моменту он с Азовым в одной упряжке находится. Может статься такое, что он вообще не в курсе последних событий. Да ему на это, скажем прямо, вообще начхать. Они, как тогда с Валяевым «Вестник» купили, так сразу же про это забыли. Мало ли у «Радеона» активов? Да и не еженедельник они тогда приобретали, а меня, горемычного. Только я сразу это не понял.

– Все плохо? – спросила у меня Вика. – Да? Этот новенький, я так понимаю, не с улицы к нам пришел?

– Не с улицы, – подтвердил я. – Но и не с парадного входа. Скорее из переулка вынырнул. Ты не бери это все в голову, хорошо? Ну, нагрянула на нашу голову эдакая напасть, так что теперь, нервы себе из-за этого палить? Как пришел, так и уйдет. А мы, если надо, верный путь ему подскажем, тот, по которому идти, и даже укажем, с какой скоростью. Ты же знаешь, за нами не заржавеет.

– Это да, – улыбнулась девушка, все еще тревожно, но в голосе чувствовалось некоторое облегчение. – Мы такие. Мы можем. Есть хочешь?

– Само собой, – подтвердил я. – И побольше, побольше!

Наутро, собираясь, я сначала защелкнул на запястье браслет часов, а после, подумав, нацепил на палец и массивный перстень с опалом. Не думаю, что новый руководитель еженедельника знает, что это за украшение, но вдруг? Если он на него среагирует, то это будет серьезный повод задуматься о том, кого же

это такого в наши палестины занесло.

Вика все же ощутимо нервничала всю дорогу до редакции, да и после. Даже Шелестову, которая, как оказалась, последние несколько дней не ходила на работу по причине острого респираторного заболевания, шпынять за отсутствие больничного листа не стала. Вот до чего дело дошло!

– Не психуй ты, – посоветовал я ей, когда мы шли по коридорам редакции, направляясь к родному для меня когда-то кабинету главного редактора. – Нет в этом никакого смысла. Да и не выйдет у нас с ним сейчас никакого разговора. Попозже – возможно, а сейчас – нет.

– Почему? – опешила Виктория.

– Поверь мне, так и будет. Знаю я таких, как он, насмотрелся в свое время.

Мы вошли в приемную, где на месте Ольги Сергеевны, верной наперсницы Мамонта с незапамятных времен, которая, собственно, с ним вместе покинула «Московский вестник», обосновалась молоденькая и хорошенькая девица с кукольным личиком.

– Добрый день, – обратился я к ней. – Нас просили подойти к десяти часам утра, уж не знаю зачем.

– Вы кто? – уточнила девица.

– Никифоров из «Вестника Файролла». А это мой заместитель Травникова. Сообщите своему шефу, что мы здесь.

– Сергей Сергеевич сейчас вас в любом случае не может принять, – бесстрастно ответила секретарша. – Он занят, у него телефонные переговоры с… Неважно с кем. Садитесь и ждите.

Я поймал за плечо Вику, которая намылилась было плюхнуться на ближайший стул, и сурово на нее глянул.

– Нам было назначено на десять, – холодно сообщил я секретарше. – То, что Сергей Сергеевич решил по-другому израсходовать то время, которое я согласился потратить на беседу, – это его проблема, а не моя. У вас… Простите, как вас зовут?

– Ольга, – гордо вскинула голову секретарша.

– Так вот, Ольга. У вас есть тридцать секунд на то, чтобы сходить к своему руководителю и поставить его в известность о том, что мы здесь. Если этого не случится, то после уже ему придется идти ко мне, и я по возможности выделю десять-двадцать минут на то, чтобы с ним поговорить. А может, и нет. Как пойдет. Время пошло.

Я демонстративно уставился на циферблат часов. Секретареныш заерзал, данная формулировка вопроса явно рушила те установки, что ей обрисовал шеф. А главное, что теперь выходило, что она при любом раскладе крайней оказывалась. Впрочем, поделом. Очень уж недружелюбно она себя со мной повела.

– Время вышло, – я показал девушке часы. – Что доложить Сергею Сергеевичу, вы знаете. Виктория Евгеньевна, пошли. Нам еще концепт спецвыпуска разрабатывать надо.

– И все-таки откуда ты знал, что так получится? – спросила у меня Вика, когда мы отошли от приемной главного редактора шагов на двадцать. – Ты его просчитал?

– Что-то в этом роде, – подтвердил я. – На самом деле было бы здорово ошибиться, поверь. То есть чтобы этот Голицын нас принял. Хрен с ним, пусть он оказался бы тщеславной сволочью, это не беда, но при этом не был бы совсем уж дураком. Не знаю, как тебе, а мне сейчас все эти офисные игры на выживание на фиг не нужны. И так проблем по горло, а тут еще и это. Но, увы, мы имеет то, что имеем. В результате и нас жалко, и еженедельник тоже, может правление нового императора не пережить. Бумажная пресса и так в загоне, а теперь совсем все плохо станет.

– Думаешь?

– Уверен. Он сейчас осмотрится и начнет «джинсу» на пару с открытой рекламой гнать в промышленных масштабах, причем самого низкого пошиба, закрывая при этом рубрики одну за другой. Или, того хуже, политизирует издание до крайности по принципу «мы за тех, кто больше заплатит». Причем делиться ни с кем не станет, потому последние мало-мальски нормальные сотрудники очень быстро разбегутся, благо профи как ценились, так и ценятся. Мало ли сейчас интернет-порталов, на которых можно заработать лучше, чем здесь? Причем даже не выходя из дома. В результате «Вестник» какое-то время покоптит еще небо, после по итогам года покажет будь здоров какую нерентабельность и будет закрыт. На кой «Радеону» убыточные активы? У меня добрая половина приятелей через подобное уже прошла, а некоторые и не по разу. В смысле – коллег по цеху.

– А мы как же? Нас куда?

– Да никуда, – усмехнулся я. – Может, тут же останемся сидеть, может, в «Радеоне» какое-то помещение выделят. У них пустых площадей завались, сама же видела. Вика, ты все время забываешь самое главное: мы самостоятельное подразделение и не в штате «Вестника». Нам пофиг. Кстати, именно потому мы вообще могли к этому клоуну не ходить. Он нам не руководитель и зарплату не платит. Он нам вообще никто. Потому я тебе и советовал не нервничать.

– А зачем же тогда пошли? – совсем растерялась девушка.

– Потому что мы хорошие люди, – пояснил ей я. – Воспитанные и открытые для диалога, но при этом ценящие свое время и отлично знающие, что такое глубокое уважение как к себе, так и к другим. Ладно, пустое это все. Он раньше чем через час не позвонит, ему самолюбие не позволит. Вернее, секретареныш его не объявится. Мы за это время кучу дел успеем переделать.

В результате все, как я сказал, и вышло. Мы успели устроить маленький мозговой штурм на тему спецвыпуска, причем наш коллектив в результате разделился на две части. С одной стороны, той, которая предлагала делать упор на освещение грядущего рыцарского турнира, оказались мы с Викой, Таша и неожиданно Шелестова. Последняя, похоже, успела прибрать к рукам материалы, подготовленные вроде как уехавшей в Абакан Ксюши, которые та еще в самом начале карьеры успела сделать, и теперь собиралась, базируясь на них, забабахать нечто феерическое.

Остальные же выступали за то, что до турнира еще немало времени осталось, а шкатулки, жетоны и поединки на Арене – это наше сегодня. И вообще ложка хороша к обеду. Особенно активен в споре был Петрович, которому жуть как не хотелось заморачиваться с оформлением турнирного выпуска. Там коллажей предвиделось немало, а все они по умолчанию входили в его поле ответственности.

Короче, все шло так, как должно. Монотонно бубнил Петрович, чем-то похрустывала Таша, время от времени срывалась на фальцет Мариэтта и простуженно хрипела толком не вылечившаяся Шелестова. И каждый убеждал каждого в своей правоте.

За всем этим я чуть не прозевал звонок телефона, раздавшийся в моем кабинете. У нас тут местами еще тот век царит, потому до сих пор везде стоят стационарные аппараты, по которым только внутри здания звонить можно, набрав трехзначный добавочный номер. Нет у них так называемого выхода в город. Впрочем, он никому и не нужен. Да и этой архаикой мало кто пользуется.

– Сергей Сергеевич ждет вас, – прокурлыкал мне в ухо из трубки голос секретарши Ольги. – Поспешите.

– Я достаточно четко дал вам понять, что нашего второго пришествия сегодня как минимум ждать не стоит. У вашего патрона был шанс пообщаться со мной, он его упустил. Может, завтра-послезавтра загляну, и то если время появится, что не факт. Все, не отвлекайте меня больше по разным пустякам.

И повесил трубку, даже не слушая недовольный писк, из нее раздавшийся. И так ясно, что станет вещать куколка-секретарь: мол, это недопустимо, указания руководства надо выполнять и так далее. Я все это уже не раз видел и слышал раньше, правда, не тут, а в разных командировках, когда не писал о светской жизни, а мотался по городам и весям нашей необъятной Родины, выискивая интересные сюжеты. Правда, в отличие от данного случая, тогда это частенько могло привести меня к неприятным последствиям вроде выбитых зубов или переломанных ребер. Впрочем, что зубы или ребра? Могло и чего похуже случиться. Вон достаточно только вспомнить маленький и внешне безобидный при свете дня город Саблинск, который до сих пор мне иногда является в не самых лучших снах. Или Нижний Устюгск, из которого я вернулся с продырявленным пулей плечом.

– Эта звонила? – уточнила у меня Вика, ткнув пальцем в направлении потолка. – Да? Новое начальство на ковер нас вызывает?

– Ага, – подтвердил я беззаботно. – Только шиш ему.

– Что за новое начальство? – заинтересовалась Шелестова, шмыгнув носом, а после оглушительно чихнув прямо в ухо Соловьевой.

– Блин, ты еще мне на голову насри! – взвилась, как молния, та. – Лен, вот чего ты на работу приперлась? Болеешь – болей себе дальше дома, не тащи вирусы в коллектив! Мне же завтра в театр идти, причем не одной. А я теперь из-за тебя тоже заболеть могу.

– Не успеешь, – просипела Елена. – Инкубационный период три дня, если сопли и потекут, так только к пятнице. Так что за начальство? Интересно же!

– Да идиота какого-то над нами поставили, – подал голос Стройников. – Вернее, над ними. Я просто тут с пацанами из спортивной редакции курил, они рассказали, что этот клоун собирается нас еще до лета сделать флагманом отечественной периодики, потому в ближайшее время проведет капитальную реновацию всего, чего только можно. Причем начнет с внутренней перестройки вроде введения дресс-кода, контроля за дисциплиной и всего такого. Короче, народ уже заявления на уход с открытой датой писать начал, чтобы потом, если что, особо не тянуть.

– Ты со спортивниками смотри, поосторожней будь, – посоветовал я ему. – Юшков тоже начинал с того, что с ними в курилке торчал, а чем все кончилось?

– Кстати, чем именно? – уточнила Таша. – Никто не в курсе, где он, что с ним? Спился вконец или встал на путь исправления? Ну, типа «Я Дмитрий, и я алкоголик»?

– Вроде как встал, не бухает больше, – произнес Самошников, переглянувшись с приятелем. – Эсэмэмщиком сейчас подрабатывает на разных порталах. Жалеет, что такого косяка тут врезал.

– Нет, – произнес я. – Даже не начинай этот разговор, Димон. Твой тезка слишком нехорошо уходил отсюда. Прими он тогда новость о своем увольнении достойно, как положено в таких случаях, я бы, может, подумал о том, чтобы его вернуть, благо вакансия у нас есть. Но он начал меня стращать трудовой комиссией, судами, еще чем-то, и это при том, что за ним косяков, за которые в другом месте давно бы по статье вышибли, не просто много числилось, а реально до фига. Так что нет. Он не умеет держать удар.

– Если введут дресс-код и нас к нему подтянут, вакансий станет на одну больше, – сообщила нам Шелестова. – Я могу смириться со всем, даже с харассментом, но это…

– Да? – заинтересовалась Вика. – Хм-м-м… Киф, а может, этот Голицын не так уж и плох? Может, все же сходим к нему, пообщаемся на производственные темы.

– Фамилия нового босса Голицын? – уточнила Елена. – Забавно. Знавала я одного Голицына, он тоже на ниве журналистики трудился.

– Так, может, это тот самый? – предположила Таша. – Которого ты знала?

– Вряд ли, – отмахнулась Шелестова. – Во-первых, тот чистоплюй невероятный, фиг бы он отправился в наше захолустье. «Золотой мальчик», мама-папа, особняк, «бентли» и так далее. Мы настолько не его уровень, что говорить не о чем. Во-вторых, Сережа был редкостный идиот, что признавалось всеми в «Деляге», где мы с ним и познакомились. Ходили слухи, что Голицын-старший каждый месяц вручает главному немаленькую сумму наличными, дабы компенсировать весь тот вред, который работа его сыночка приносит редакции. Так что нет.

– А как папу этого товарища звали? – поинтересовался я. – Случайно, не Сережей ли тоже?

– Вроде да, – кивнула Ленка, а после в ее глазах мелькнуло понимание. – Ладно вам! Да быть того не может! Ну, не мог мир промутировать до такой степени, чтобы этого головоногого кто-то всерьез воспринял, да еще ему доверил работу чуть сложнее, чем выпить чашку кофе, не вылив при этом ее себе на штаны!

– Что-то ты очень возбудилась, – проницательно заметила Таша, хрупнув чипсом. – «Головоногий», все такое… У тебя с ним чего-то было?

– У меня с ним – нет, – Шелестова от возмущения даже хрипеть перестала, вместо нормального голоса у нее вдруг прорезался дискант, что прозвучало крайне забавно. – Не хватало еще! Правда, он считал по-другому, но это его проблемы, а не мои.

– То-то ты из «Деляги» сбежала, ломая ноги, – глаза Вики недобро блеснули. – Темнишь, подруга. Ой, темнишь!

Кстати, да, что-то такое мне про нее Азов говорил. Не просто так она офис хедлайнера деловой российской прессы покинула, случилась там некая темно-интимная история. Вот так всегда и случается в нашей пестрой жизни: сколько ни беги от собственного прошлого, оно все равно рано или поздно тебя настигнет.

– Не суди о том, чего не знаешь, – посоветовала ей Лена, голос которой наконец-то обрел привычную тональность. – Тебя тогда там не было.

– Не думала, что доживу до этого дня, – притворно всхлипнула Мариэтта. – Наконец-то эту язву кто-то умудрился подцепить за живое.

– Ты подколки свои давай заканчивай, – сумрачно посоветовал ей Петрович. – Чего у кого когда случилось – дело прошлое. У нас всех есть за спиной такое, чего вспоминать неохота, – и у меня, и у тебя. Сейчас мы все в одной лодке, и если этот хмырь Ленку снова донимать станет, то я лично ему в бубен дам. Она, конечно, стерва, каких поискать, но наша стерва.

– Да я что? – развела руки в стороны Соловьева. – Я ничего. Позлорадствовала немного, да и только.

– Спасибо, Вадим, – непривычно сердечно сказала Шелестова Петровичу. – Неожиданно, но приятно. Что же до Сереженьки Голицына – если это все же он, то нас ждут веселые времена. Ой, какие веселые! Особенно после того, как он проведает, что я тут работаю.

– Так, может, правильнее тебе будет уволиться? – предложила ей Вика. – Чтобы весь коллектив из-за тебя не пострадал.

– Может, и так, – задумчиво согласилась с ней Шелестова без привычной язвительности в интонациях. – Не исключено.

– Никто не увольняется, и никто ничего не опасается. – Я хлопнул ладонью по столу. – Что за привычка орать «Пожар!», когда дите еще даже спички из коробка не вынуло? Он там, мы тут, единственная точка нашего пересечения то, что мы в одном здании сидим. И…

В этот момент у меня в кабинете снова зазвонил телефон.

– Да елки-палки, – вздохнул я. – Вик, ответь, это как раз вышеупомянутый Сережа звонит.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверен. Сейчас он скажет, что секретарь все напутала, что она за это будет наказана, а после попросит нас с тобой все же навестить его обитель.

Вика с сомнением глянула на меня, но все же отправилась выполнять мою просьбу.

– И вы пойдете? – испытующе уточнила Шелестова. – Имейте в виду, Сережа как журналист полный ноль, но в подковерных играх силен. Как видно, на генетическом уровне, папа его большой мастер по данной части, потому столько лет и не утопил его никто из заклятых коллег по большому бизнесу. Да и дядя-министр у него тоже товарищ матерый, я его пару раз видела, он у нас дома в гостях был. Сережа сейчас вас под себя гнуть станет. Да вот он уже начал.

– Да и хрен с ним, – отмахнулся я. – И потом, лучше пусть он в войнушку играет, чем станет нам палки в колеса совать в разрезе производства контента. Мы хоть как подразделение и автономны, но кое в чем от «Московского вестника» все же зависим. Типография, то-се…

Хотя это тоже все условности. Если по вине Голицына хоть один выпуск нашего издания не выйдет в свет, то мне будет с чем выходить на того же Зимина. А то и на кого повыше. Того, кого дядя-министр, полагаю, вообще не волнует.

– Все так, – вернулась к нам Вика. – Он даже извинился, представляешь?

– Ишь ты. – Я потянулся. – Ну что, душа моя, пошли познакомимся с новой метлой?

– Нет, он только тебя ждет, – мотнула головой моя сожительница. – Он это четко дал мне понять.

– Может, оно и к лучшему, – усмехнулся я. – Ладно, пойду погляжу, а потом расскажу. А вы к моему возвращению придите уже к какому-то единому мнению по поводу спецвыпуска, хорошо?

Глава четвертая,

в которой герой пытается понять, откуда и куда ветер дует

Секретарь в этот раз не пыталась изображать из себя вершительницу судеб, она одарила меня белозубой улыбкой, немного непонимающе глянула на одного из сотрудников Ватутина, которого я прихватил с собой для представительности, и сообщила:

– Сергей Сергеевич вас ожидает.

– Вот радость-то, – равнодушно ответил я, пару раз стукнул костяшками в до боли знакомую дверь и, не дожидаясь ответа, резко распахнул ее. Охранник тем временем устроился на стуле и, казалось, впал в анабиоз, глядя в одну точку.

– Харитон Юрьевич! – утвердительно произнес сидевший за столом человек. – Верно? Рад наконец-то с вами познакомиться.

Собственно, практически все мои предположения относительно внешности господина Голицына оправдались. Наш новый главный редактор был довольно-таки молод, пожалуй, что даже рубеж тридцатилетия не перевалил, ухожен настолько, что так и тянуло назвать его метросексуалом, а также дорого и стильно одет. Осталось только убедиться в том, что и его, скажем так, личные качества таковы, как я о них думаю.

Хотелось бы ошибиться, только вряд ли это случится. Не потому, что я сильно проницательный и умный, а потому, что в этом мире все и всегда повторяется. Я таких красавцев с обложки по роду своей службы насмотрелся будь здоров сколько, и все они были один на другого похожи.

И еще, как же нелепо все эти вещи вроде безукоризненной прически или пиджака от Пауля Смита смотрятся здесь, в этом кабинете. Нет, Мамонт в джинсах или там в косухе тоже не ходил, что да, то да, положение обязывало. Но и персонажем таблоида тоже никогда не выглядел, не терпел он этого.

Да и то. Такое хорошо для «глянца», где в спонсорах ходят дома модной одежды и куда селебрити через день приходят разрабатывать схемы громких скандалов и последующих судебных тяжб, для того чтобы хоть ненадолго продлить свои пять минут славы.

Впрочем, каждый сходит с ума по-своему. Непосредственно мне с ним детей не крестить, так что пусть ходит в чем хочет. Да и ему мое благословение, думаю, на фиг не сдалось.

Мы обменялись рукопожатием, сопровождаемым дежурными улыбками, которые в подобном случае ровным счетом ничего не стоят, после я уселся на стул, который занимал всегда, попадая в этот кабинет, и уставился на Голицына.

– Чай, кофе? – осведомился он у меня. – Нет? Как пожелаете.

– Боюсь показаться невежливым, но давайте сразу перейдем к делу, – попросил я его. – Без разговоров ни о чем и хождения вокруг да около. Просто дел еще очень много, а времени, увы, почти нет.

– Почему бы и нет? – Молодой человек побарабанил пальцами по столу. – Так даже правильнее. Первое, о чем я бы хотел с вами поговорить, является вопрос

трудовой дисциплины в редакции еженедельника. Мне бы хотелось его с вами обсудить.

– Если вы имеете в виду проделки сотрудников спортивного отдела, то, боюсь, вы обречены на поражение, – сочувственно произнес я и даже изобразил на лице легкую грусть. – Каждый из ваших предшественников пытался обуздать этих махновцев, но никому не удалось достичь успеха. По слухам, в семидесятых даже как-то сразу всех их уволили, одним махом, но новые, те, кого набрали на освободившиеся места, в первый же рабочий день надрались так, что переплюнули старых и чуть вот это самое здание не спалили ко всем чертям. Так что лучше даже не забивайте себе этим голову, Сергей Сергеевич. Ничего у вас не получится.

– Да нет, я не о спортивниках, – пояснил мне собеседник. – Я непосредственно о вас речь веду. Вы, уж простите за резкость, манкируете своими обязанностями, пропускаете планерку, подавая дурной пример остальным. Да что там! Вы и на службу не каждый день ходите, как мне рассказали. Разве так можно?

– Можно, – заверил я его. – Мне – можно. Мой график посещений редакции оговорен с владельцами издания, так что никакого нарушения тут нет. Более того, они сами настаивали на подобном. Звучит немного неправдоподобно, но так оно и есть на самом деле. Нет, если вы сомневаетесь, я могу предоставить вам письменное подтверждение своих слов, заверенное руководством компании «Радеон» и скрепленное большой круглой печатью.

– Да-да, о чем-то таком упоминалось, – чуть наморщил лоб Голицын. – Но это не снимает вопрос о планерках.

– Отчего же? Одно как раз плавно перетекает в другое. Почему у меня и моих сотрудников такой график, отличный от всех остальных? Потому что редакция «Вестника Файролла» не является составляющей частью «Московского вестника». Мы сами по себе, мы автономны. Да, сидим в одном здании, но и только. Наших трудовых книжек в вашем отделе кадров нет, зарплату нам начисляет «Радеон», он же оплачивает все коммунальные расходы. А раз так, то и планерки для меня не являются обязательным мероприятием. Мы вне системы, уважаемый Сергей Сергеевич.

Насчет коммуналки я брякнул так, наугад. Этого я точно не знал. Но и мой собеседник, полагаю, тоже.

– Как видно, меня недостаточно просветили на ваш счет, Харитон Юрьевич, – откинулся на спинку кресла Голицын. – Я только-только заступил на этот пост, потому и вышла подобная накладка.

– Бывает, – отмахнулся я. – Ничего страшного.

– Но последние выпуски вашего издания я просмотрел. Крепкая, хорошая работа! Сразу видно, что занимаются ей настоящие мастера своего дела. Примите мои поздравления!

– Приятно слышать подобную оценку нашего труда, – насторожился я, поняв, что этот павлин, похоже, подбирается к главной теме разговора, к тому, зачем он меня сюда зазвал. – Особенно когда она исходит от профессионала, которым вы, бесспорно, являетесь. Я наслышан о том, что вы поработали в «Деляге», а это место, куда абы кого не возьмут.

– Есть такое, – кивнул Голицын. – Хотя, поверьте, высший пик популярности и престижности «Делягой» уже пройден, еще год-другой – и они стремительно покатятся со склона.

Очень хотелось сказать что-то вроде «потеряв такого, как вы, уж точно», но я не стал. Кто его знает, как он эти слова воспримет. Если правильно, то есть как сарказм, такое пока ни к чему, рано нам ругаться, я еще не узнал, что именно ему от меня нужно. Если неправильно, то подумает, что я решил перед ним прогнуться, а это уж точно лишнее.

– Ну, не суть. – Новый главный редактор чуть подался вперед. – Я вот к чему веду. Насколько я знаю, у вас в редакции есть вакансия, поскольку один из ваших сотрудников буквально недавно уволился. Верно же?

– Верно, – подтвердил я.

– Замечательно. – Мой собеседник сплел пальцы рук в замок. – Так вот, Харитон Юрьевич, не окажете ли вы мне услугу, не возьмете ли под свое крыло парочку

наших с вами коллег, которые по стечению обстоятельств как раз остались без работы. Знаете, в нашем мире всегда найдутся бездарности, которые завидуют талантам, а тут как раз такой случай. Интриги, козни, подлость – и вот два хороших и опытных журналиста-универсала вышиблены на улицу, несмотря на впечатляющий послужной список и очень веские рекомендации. Уверен, подобное кадровое решение пойдет нам всем на пользу. Вы укрепите свой коллектив настоящими профи, а я, в свою очередь, всегда и в любых ситуациях смогу пообещать вам свое содействие и как главный редактор данного издания, и как просто Сергей Голицын.

Хитер бобер. Удивил! Нет, правда, удивил.

– Абстрагируясь от всего остального, я заметил в ваших словах небольшое несоответствие. Вакансия одна, а речь между тем идет о двух персоналиях. Это как?

– Ну да, да, их двое, – вздохнул Сергей Сергеевич. – Дело в том, что те журналисты, о которых идет речь, – сестры. Знаете, часто близкие родственники друг с другом не ладят, ругаются и так далее? А эти – нет, они близняшки, потому везде и всегда вместе по жизни идут. Один класс в школе, одна группа в институте и так далее. И в профессии, конечно же, им тоже хотелось бы работать бок о бок. Да и собственно, что в том сложного? Вряд ли вы или же кто-то другой будет против. Чем больше сотрудников, тем эффективней движется дело.

– Я точно знаю, кто может возразить против такого кадрового решения.

– Кто же?

– Штатное расписание. Оно, правды ради, у нас и без того порядком раздуто, и если в него попробовать внести еще одну единицу, то есть риск нарваться на неприятности. Лично мне они не нужны. Как, признаться, и дополнительные сотрудники. Я, знаете ли, придерживаюсь той теории, которая гласит, что лучше меньше, да лучше.

Вот интересно, он действительно лишь желает пристроить своих знакомых на теплое местечко или же это нечто другое? В смысле, что он желает иметь в нашей маленькой и дружной компании глаза и уши?

Или вообще не он, а кто-то другой?

– Резонное возражение, – снова выбили дробь по столешнице пальцы Сергея Сергеевича. – Я о штатном расписании. Но, в конце концов, мы можем найти кое-какой компромисс. У меня вот тут есть список ваших сотрудников, и я обнаружил в нем одну знакомую фамилию. Мне довелось поработать с этим человеком не то чтобы бок о бок, но все равно я отлично представляю себе, как вы с ним уже намучились. Думаю, вы поняли, что речь идет о Елене Шелестовой. И сомневаюсь, что у вас есть большая головная боль в кадровом смысле, чем она.

– Понял, понял, – покивал я. – И?

– Полагаю, за то время, что мы с ней не виделись, ничего не изменилось. Она наверняка все так же дерзит руководству, брызжет ядом по поводу и без повода и считает, что ее шутки есть вершина остроумия. Верно же?

– Ну, не то чтобы… – уклончиво ответил я. – К тому же у меня крепкая нервная система, а специалист она хороший.

– Как вы знаете, нервные клетки не восстанавливаются. Что же до профессиональных качеств… Кто-то из древних сказал, что незаменимых нет. Собственно, потому я в свете нашего дальнейшего тесного и, уверен, крайне перспективного сотрудничества предлагаю вот какой обоюдовыгодный вариант. Вы избавляетесь от дискомфортного балласта в виде Шелестовой и получаете двух великолепных сотрудников, а я, в свою очередь, помогаю своим коллегам, которые сейчас, в наше нелегкое время, остались без работы.

– Н-да. – Я закинул ногу на ногу. – Интересно, интересно.

– А если вас смущает моральный аспект, если вы переживаете за будущность вашей бывшей сотрудницы, то и это разрешимо. Мы переведем ее сюда, ко мне, в «Московский вестник». Да, это ведет к возникновению проблем уже в моей редакции, но, согласитесь, мне все же будет проще, чем вам. Вы-то с ней в одном помещении сидите, а у меня вот отдельный кабинет есть, с хорошей надежной дубовой дверью. Плюс Ольга, которую не так просто миновать даже такому бедствию, как наша общая знакомая.

– Ольга – сила, – согласился я.

– Так что, по рукам? – Голицын встал из-за стола и подошел ко мне. – Договорились?

– Нет. – Я тоже поднялся на ноги. – Шелестова та еще заноза в заднице, это верно. Но, как ни странно, она вписалась в общую редакционную систему координат и стала частью моего коллектива. Да даже если бы и не это, я бы все равно подобную сделку заключать не стал. Нет у меня привычки людей менять, как марки или монеты, по курсу два к одному. Вот такой я смешной старомодный чудак. Что же до нашего дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества – тут я с вами полностью согласен, оно может сложиться, для этого нужна самая малость. Вы не лезете ко мне и моим людям, а я, в свою очередь, не создаю вам никаких проблем. Даже, если надо, на следующий Новый год в корпоративе поучаствую и итоговое собрание редколлегии посещу. Все довольны, всем хорошо. Как вам такой вариант?

– Знаете, Харитон Юрьевич, люди, общающиеся со мной, обычно думают, что если я чего-то и достиг в этой жизни, то это произошло лишь благодаря моим родителям и родственникам, – опершись рукой на спинку стула, легко и как-то даже весело произнес Голицын. – Дескать, они люди, имеющие вес в обществе, вхожи в высшие сферы, потому жизнь моя легка и безоблачна, я иду по ней смеясь. И знаете, это на самом деле так. Собственно, кроме них, мне ничего больше от боженьки при рождении не перепало. Обделил он меня дарованиями, я не умею ни рисовать, ни петь, даже на пазлы в детстве и то терпения не хватало. И журналист я никакой.

– Никогда не любил духовный стриптиз, – сообщил я ему. – Наверное, потому что никогда не верил в то, что люди делают это по доброй воле.

– Так я с вами не особо и откровенничаю, – усмехнулся Сергей Сергеевич. – Это общеизвестные факты. Даже если вы еще не узнавали по знакомым, кого это к вам в редакцию в качестве варяга занесло, то все равно это сделаете. И услышите то же, что я вам только что сказал. Да и Хелен вам то же самое поведает, причем, скорее всего, слово в слово.

– И?

– Так вот. На самом деле у меня имеется один талант, причем не врожденный, а благоприобретенный, – я всегда получаю то, что хочу. Мытьем, катаньем, честно, нечестно, добром, злом, но получаю. Собственно, потому я и оказался тут, в этом зачуханном месте. Я, знаете ли, некоторое время провел во Франции, а по возвращении мог бы спокойно занять кабинет в «Белом ветре» или «Саквояже». Но я – тут. И у меня есть на то веские причины.

– Вам прямо вот так надо пристроить двух сестричек в «Вестник Файролла»? – удивился я, уже не слишком беспокоясь о том, что данная фраза прозвучит откровенно издевательски. – Однако!

– Ну, это, скажем так, вспомогательная задача. – Голицын потер указательным пальцем руки небольшой шрамик у правого глаза. – Впрочем, если они все же окажутся под вашим началом, я буду рад. Там правда славные девицы, уж поверьте. Причем они специалисты в самых разных областях, Харитон Юрьевич, потому все же рекомендую их взять. Поверьте, не пожалеете. Но нужно мне совсем другое, и вы прекрасно поняли, что именно. Вернее, кто.

– Так, может, следовало подобные вопросы решать не тут? – уже без иронии предположил я. – Зачем устраивать все эти шпионско-ролевые игры, мешать производственному процессу? Встретились с Ленкой, поговорили, все решили. Да – да, нет – нет.

– Я уже слышал это самое «нет», – любезно сообщил мне Голицын, причем чем дальше, тем сильнее его лицо кривилось от сдерживаемых эмоций. Что-то очень недоброе в нем проступало при этом, что-то змеиное. – Но вот какая штука, для меня его не существует. Потому настоятельно рекомендую вам, сделайте так, как я прошу, и мы разойдемся с вами так, как вы предложили, а именно миром. Шелестова покидает «Вестник Файролла», притом максимально быстро, а вы дальше живете так, как вам того хочется. Вас никто не будет тревожить.

– А если нет?

– Тогда я поступлю так же, как и всегда, – по-своему. И проигнорирую все те советы, что мне надавали в отношении вас родители и дядя.

– А что они советовали? – заинтересовался я. – Нет, просто как-то не предполагал, что моя скромная особа может интересовать сильных мира сего.

Признаться, я, как и вы, так себе журналист, особо громких материалов у меня вообще никогда не было. А тут, оказывается, меня кто-то знает!

– Не вас. Тех, кто стоит за вами. Собственно, только потому мы так мило и беседуем, Харитон Юрьевич. Будь по-другому, я бы столько времени на расшаркивание тратить не стал.

– Резонно. Ну, я пойду?

– Надеюсь на ваше благоразумие, – распрямился Голицын. – И на то, что уже завтра Шелестова будет переведена в «Московский вестник». Мне бы не хотелось пополнять свой список должников вашей фамилией.

– Надейтесь, – разрешил я. – Надежда – она всегда умирает последней.

– Кто умирает последним – вопрос спорный. – Сергей Сергеевич вернулся за свой стол и опустился в кресло. – Доживем – увидим. Кстати, какой у вас перстень любопытный. Работа старых флорентийских мастеров, сразу видно. Я, знаете ли, немного разбираюсь в подобных вещах, моя мама – один из лучших экспертов-искусствоведов страны. Даже неожиданно, что у такого человека, как вы, есть подобная редкость. Не продадите? Я бы дал хорошую цену.

– Не продам. Это подарок, ими не торгуют.

– Все всем торгуют, вопрос только в условиях, на которых совершается сделка. Ну да ладно, думаю, мы по этому поводу еще не раз пообщаемся. Идите, Харитон Юрьевич, более я вас не задерживаю. Работа есть работа, верно?

Надо же, ошибся я в человеке, повелся на стереотипы. А товарищ-то оказался совсем неглупый, крайне целеустремленный и, что печально, с серьезным бзиком. Да прямо скажем, у него реально серьезные проблемы с психикой. Голицын, конечно, не сумасшедший в прямом понимании этого слова, но детские комплексы у него явно трансформировались в другое, более серьезное качество, создав при этом проблемы для окружающих. Для той же Шелестовой, к примеру. Побьется он башкой в закрытую дверь, побьется, а потом дело дойдет до «не доставайся же ты никому» в виде пули или соляной кислоты, выплеснутой в лицо.

И ведь он даже мне на прощание какой-то банальности вроде «Идите и подумайте. Хорошо подумайте» не сказал, что совсем уж настораживает.

Впрочем, на фоне всего того, что со мной творится в последние полгода, это не самая моя большая проблема. Объективно он мне насвинячить сильно не сможет, руки у него для этого коротки, а мелкие пакости меня и до нынешней круговерти не пугали. Вся работа коллектива в любых медийных организациях сплетена из всяческих шалостей разного калибра, безудержного флирта разных степеней тяжести, непрестанной нагрузки печени и мелких пакостей всех всем. Если ты к подобному не готов, тебе не стоит в эту сферу соваться, тебе в ней не выжить.

Да и сказано было, те, кто за мной стоит, для него серьезная помеха. И он пока даже не представляет насколько.

Хотя Ленку, конечно, надо предупредить о том, что она для Голицына то ли мишень, то ли фетиш. Не сомневаюсь, что эта егоза в курсе происходящего, но все же стоит данный факт обозначить. Хотя бы потому, что он для меня чужой, а Шелестова – своя.

– Лен, пошли в кабинет, – велел я сразу же после того, как вошел в помещение нашей редакции.

– О как! – восхитился Стройников. – Шеф желает снять стресс после общения с новым руководством?

– Киф такой, он может, – гукнул из своего угла Петрович. – Помню, лет десять назад, когда мы…

– Может, мне с девочками выйти погулять немного? – перебив его на полуслове и нехорошо сузив глаза, осведомилась у меня Вика. – Ну, чтобы не мешать?

– Да он орать на нее станет, – успокоила мою сожительницу Таша. – Небось, Ленка новому главреду еще тогда, раньше, крепко насвинячила, и теперь за это нашего руководителя нахлобучили в высоком кабинете. Цепная реакция. Сначала на него орут, потом он орет.

– Что-то случилось? – деловито осведомился Жилин. – У нас проблемы?

– Все нормально, сидим работаем! – рявкнул я. – И вообще, распустились вы здорово! Я чихнуть не могу, чтобы тут же не началось обсуждение, отчего такое произошло. Дескать, простуда у меня или же кокс некачественный попался.

– Вот! – хлопнула ладонью по столу Таша. – Я же говорила, это кокс! А вы: «Наверное, это тальк или мука». Вот на кой они нашему шефу?

– Чего? – у меня чуть дар речи не пропал. – Ты о чем?

– Да неважно, – отмахнулась малышка. – Не берите в голову.

– Нет уж, объясни! – потребовал я.

– Да мы просто недавно залезли в ваш ящик стола, – потупился Самошников. – Искали кое-что. Ну а у вас там два пакетика с белым порошком лежат. Открывать не стали, ясное дело, но поспорили о том, что это такое. Мы вот с Генкой думаем, что это тальк или мука, а девчонки…

– Начнем с того, что это сода, – стараясь держать себя в руках и не сорваться на крик или смех, произнес я. – Понятия не имею, кто и зачем ее туда положил, мне стол уже с ней достался. Думаю, либо фотку постановочную делали, либо фейк хотели сотворить, либо шутку кто-то готовил. Но не это главное. Вы совсем очумели по ящикам моим лазать? Все понимаю, но не настолько же стоит страх терять?

– Нам были нужны скобы для степлера, – пояснила Таша. – У всех кончились, а Серега в тот день раньше с работы срулил. Просто он всегда достает нам все, что нужно по канцелярке, мы сами так, как он, не умеем. Да и по коридорам бегать было лень. Вот мы и решили в ваш ящик залезть, немного позаимствовать. А там уж на эти пакетики наткнулись, они под коробкой с презервативами лежали.

– Кстати, их хорошо бы того, выбросить, – посоветовал мне Стройников. – В смысле – презервативы. Просроченные, мало ли что…

– Спасибо, что предупредил, – поблагодарила его Шелестова. – Харитон Юрьевич, так мы идем в кабинет или нет? Только вот сумочку свою сейчас захвачу. Просто Генаша прав – мало ли что?

Сумочку она, естественно, брать не собиралась, просто не удержалась от того, чтобы немного Вику позлить. Причем даже не потому, что та ей не нравилась, а чисто на рефлексах, практически неосознанно.

– Ну что, Сереженька, я так понимаю, уже дал вам понять, для чего он сюда заявился? – спокойно и негромко, так, чтобы ее слова не были слышны там, в общем помещении, осведомилась у меня девушка, когда я прикрыл за собой дверь. – Сразу потребовал меня уволить или как?

– Уволить – нет. Рекомендовал мне тебя перевести в общую редакцию, – сообщил я ей, усевшись в свое кресло. – Сначала добром просил, потом добавил в интонации чутка жесткости. Правда, все равно не напугал. А еще компенсацию предлагал. Во-первых, свою дружбу, во-вторых, режим всяческого благоприятствования, а под конец еще двух каких-то сестер посулил. Говорит, что те мастерицы на все руки.

– Эти да, – протянула Шелестова. – Можете не сомневаться. И на руки, и на другие части тела тоже. Макеевы, Галина и Полина, я их еще по «Деляге» помню. Впрочем, правды ради, головы у них светлые и работать они умеют. В смысле – работать-работать. Бедная Виктория Евгеньевна, ее же удар хватит, когда они сюда заявятся.

– С чего ты взяла, что они сюда заявятся? – удивился я. – Мне, знаешь ли, тебя одной с лихвой хватает.

– Неужто не сменяли меня на всю эту груду преференций? – не менее моего, но, похоже, совершенно искренне изумилась Елена. – Да ладно!

– В штанах прохладно, – отмахнулся я. – Не неси чушь. И сразу – дело не в тебе. Просто не люблю, когда меня стращают или покупают. Да и позвал я тебя не за тем, чтобы рассказать, какой я хороший и принципиальный начальник. Предупредить хотел. Хотя, может, ты и в курсе, конечно, но все-таки… Слушай, у этого парня с башкой беда. Я таких видел, от них чего угодно можно ждать. Ты давай по сторонам поглядывай почаще.

– Нет там никакой беды. – Шелестова подперла подбородок ладонями и уставилась на меня. – Там самолюбие сумасшедшее и застарелая обида. Не привык Сережа, когда ему кто-то говорит «нет» или что-то не по-его случается. А уж если одно с другим совпадет, то вообще только держись. Ну а я то и другое в одном флаконе.

– А то непонятно, откуда тут ветер дует, – хмыкнул я. – Чего, сказала ему «нет»?

– Не только. – Шелестова расплылась в улыбке. – Шрамик у него около правого глаза видели?

– Есть такой, – подтвердил я.

– Моя работа, – с гордостью заявила Елена. – Это я его каблуком туфли приласкала. Метилась в глаз, да вот промахнулась. Экая досада!

– Серьезно? – впечатлился я. – Однако! Теперь уж и не знаю, кто из вас больший псих, ты или он. И вообще, мне уже начинать бояться?

– Вам – нет. Вы же не собираетесь меня насиловать в том случае, если я скажу, что между нами ничего не будет?

– Да как-то я на эту тему вообще еще не думал. Но, вероятнее всего, нет. Не сложилось – и не сложилось, в море еще много рыбы.

– Правильно. А он вот по-другому такую новость воспринял. Правда, я сама отчасти нарвалась. Видела же, что он на взводе, но нет, чего-то понесло меня, да еще и на хи-хи пробило. С другой стороны, мне тогда еще шестнадцати не было.

– Ого. Так ты несовершеннолетняя была, когда он, значит…

– Когда кого в нашем кругу такие частности останавливали? К тому же мой отец тогда сильно от его семьи зависел, там какие-то сложности с тендером возникли, и именно Голицын-старший мог решить эту проблему. Так что я бы в любом случае, даже если бы он мне заправил, не стала поднимать шум, это могло сильно навредить папе. Про меня можно разное говорить и думать, но

семью свою я люблю и сделаю все, чтобы им жилось спокойно. Только все равно у него ничего не вышло, я его туфлей долбанула! Крику было, крови, потом еще скорая из вагнеровской клиники приехала. Жесть, короче. Но он меня тоже не сдал, сказал, что сам на что-то там напоролся. Только я тогда еще сообразила – он от меня не отвяжется.

– Так и вышло?

– Ну да. Стоит мне где-то осесть, обзавестись друзьями – через какое-то время появляется Сережа и начинает рушить все, до чего дотягивается. А руки у него длинные. Уверена, в том же «Деляге» именно он на меня Павленкова науськал, мол, «Шелестова всем дает за карьеру, так что вперед и не теряйся». И до того разное случалось. Правда, последний год я жила спокойно, он во Франции обитал. Но вот вернулся.

– Говорить с ним пробовала?

– А о чем? Да и какой смысл? Он сам мне всякий раз после очередной пакости звонит и сообщает, что его предложение все еще в силе.

– Какое предложение?

– Брачное. Он хочет, чтобы я стала его женой. Причем доброй волей, а не по принуждению. Не «ты меня достал, я согласна», не «хрен с тобой, твоя взяла», а именно доброй волей. Кстати, до сих пор не понимаю, как он собирается одно от другого отличать. Но, видно, есть какой-то способ.

– Не было мыслей о том, что, может, это и есть лучший вариант? – поинтересовался я. – Нет, серьезно. Он получит свое, а ты со временем свободу. Ясно же, что все равно это попытка с негодными средствами. А при удачном раскладе, хорошем юристе и правильно составленном брачном договоре еще и неплохую компенсацию можно захапать.

– Лучше вам, Харитон Юрьевич, вообще не знать, какие у меня мысли по поводу Сереженьки в голове бродили. Уж поверьте. Кстати, тогда во Францию он смылся как раз потому, что эти мысли помаленьку начали превращаться в дело. Начальник службы безопасности его папы про это как-то проведал, вот от греха наследника и сплавил до города Парижа.

– Так ты страшный человек, Шелестова. – Я встал с кресла, подошел к окну и глянул на улицу, где было сыро и серо. – От тебя, выходит, надо держаться подальше.

– Не всем. – Елена встала и подошла ко мне. – И не всегда. На самом деле мы с ним чем-то похожи, потому его так ко мне и тянет. Я тоже очень не люблю, когда что-то случается против моей воли. И тоже всегда иду до конца, пытаясь достигнуть поставленной цели. Только вот он делает все так, чтобы человека сломать, превратить его в марионетку, собственную игрушку. А я предпочитаю честную игру, лицом к лицу.

Она развернула меня от окна, и все вышло так, как было сказано, – мы оказались лицом к лицу.

– И все-таки аккуратней с ним, – посоветовал я Шелестовой. – В какой-то момент у товарища некий рычажок в башке щелкнет, и он предпочтет играм разума более действенные методы, полный перечень которых можно прочесть в Уголовном кодексе.

– Исключено. Это будет не победа, а поражение, что для Сережи нестерпимо. Вот тогда он в самом деле может рехнуться. Винить, кроме себя, в данном случае некого, а личную неправоту он признать не сможет никогда, это против его природы. Так что если кто-то и находится в зоне риска, то это не он, а вы.

– Потому что ему отказал?

– Потому что вы нужны мне. И раньше или позже он об этом узнает.

Глава пятая,

в которой герой то и дело удивляется, глядя на происходящее

– Неожиданно, но приятно. – Отчего-то у меня чуть пошла кругом голова, так, словно двадцать последних прожитых лет сами собой куда-то исчезли, я снова

стал вчерашним школьником, который еще умеет краснеть и смущаться. – Не то, что он узнает, понятное дело. На Голицына мне плевать. Я о другом.

– Не неожиданно, – Шелестова была непривычно серьезна. – К чему сейчас это шоу? Мне прекрасно известно, что вы давно уже…

Чуть скрипнула дверь, в кабинет вошла Вика, недобро глянула на нас, стоявших у окна, и заявила:

– Работа сама себя не сделает, дорогие коллеги. Пока вы тут беседуете, мы там вас ждем.

– Надо нам было чуть громче говорить, – сообщила мне Шелестова. – Да-да. Не в работе дело, а в том, что наши соратники заскучали. Если бы велась прямая трансляция, Виктория Евгеньевна сейчас не пришла бы. Она бы ловила каждое слово и думала, как услышанным распорядиться правильно.

– Если это намек на какие-то толстые обстоятельства, то будь добра, уточни, на какие именно? – потребовала Вика. – И приведи доказательства того, что я кому-то передаю разговоры, подслушанные тут, в редакции.

– Верно, – раздался голос Таши. – Пруфы в студию!

– В самом деле, – поддержал ее Петрович. – Лен, тут ты палку перегнула.

– Я ничего такого в виду и не имела, – чуть злорадно улыбнулась Шелестова, несомненно довольная тем, что моя сожительница угодила в ее очередную ловушку. – Вы чего? Виктория Евгеньевна, как, собственно, и любой из сотрудников нашего издания, является обладателем своего личного тараканьего зоопарка, размещенного в черепной коробке, но не более того. Слава богу, после исхода Ксении… Как там ее по отчеству? Да неважно. Так вот, после ухода этой особы стукачей среди нас не осталось. Я имела в виду, что наша беседа может негативно сказаться на моем, да и вашем, любимом начальнике. И каждое неосторожно брошенное мной слово способно превратить его жизнь в ад.

– Лена, а ты не слишком много на себя берешь? – неожиданно спокойно спросила у Шелестовой Вика. – Шутки ведь хороши до определенного предела.

– В самом деле, – тут же согласилась с ней Мариэтта из-за стены. – Кое-кто краев не видит. И на это кое-кому давно пора указать!

– Согласна, – подумав мгновение, произнесла Елена и подошла вплотную к Вике. – Занесло маленько. Прошу прощения за лишние слова. Что же до того, кто сколько на себя берет… Если мне захочется чуть увеличить ту ношу, что уже лежит на моих плечах, то вашего разрешения я спрашивать точно не стану, а просто возьму то, что мне нужно. Если получится, разумеется. Не всегда ведь нам достается желаемое, даже если мы все силы для обладания им вкладываем, верно? И не всегда удается удержать завоеванное, как ни старайся.

– Верно, – все так же спокойно посоветовала ей Вика. – Но на всякий случай напомню, что чужое брать нехорошо. Да и небезопасно. Воров никто не любит.

– Так, любители языка Эзопа, а ну брысь отсюда! – не выдержал я. – Вот правильное же было у меня решение руководить вами, балаболками, удаленно! И вам хорошо, и мне спокойно.

– Не знаю, не знаю. Мне понравилось! – сообщил всем Петрович. – Опять же, может, они подрались бы в итоге. Я бы на Шелестову поставил. Виктория Евгеньевна, ничего личного, просто Ленка в тренажерку ходит и три года дзюдо занималась. Она сама рассказывала.

– А я в Касимове выросла. – Вика вышла из моего кабинета, перед тем глянув на меня как-то по-особому. Вернее, как-то по-новому, задумчиво-прикидывающе. – У нас там город простой, нравы незамысловатые, толерантностью не пахнет, потому, если желаешь доказать, что достойна уважения среди сверстников, будь готова ко всему.

– Хороший город, – вздохнул Жилин. – Может, бросить все да и уехать в Касимов?

– Мне, кстати, там тоже глянулось, – сообщил ему я, присоединяясь к остальным. – Тихо, спокойно, выпечка вкусная. Наверное, летом там вообще отлично.

На самом деле я был очень недоволен случившимся. Если точнее, тем, что Вика в кабинет крайне не вовремя заявилась. Нет, ее можно понять, особенно если

учесть тот факт, что все это время ее буровили глаза коллег, прекрасно понимавших то, насколько моя сожительница сейчас нелепо выглядит и как именно она в этой связи себя в данный момент ощущает. Учитывая же то, что Шелестову сотрудники редакции жаловали куда сильнее, чем мою избранницу, взгляды эти были в лучшем случае ехидные. О каком-то сочувствии же речь и вовсе не шла.

Может, потому я ее и не шуганул. Да, о каких-то прямо вот пламенных чувствах между нами речь давно не шла, по крайней мере с моей стороны, но ответственность за Вику, которую я невольно втянул во всю эту круговерть, никуда не делась. Хочу я того, нет, но это так. И пока я у меня не будет полной уверенности в том, что все кончилось и ей больше ничего не угрожает, все останется так, как есть. Ну а потом поглядим.

И все же очень жаль, что мы с Шелестовой не договорили. Что ей известно? То, что я к ней неровно дышу? Не факт, ничего такого я, в общем-то, не демонстрировал. Что, выбирая между ней и Викой, я выберу ее?

Или что-то еще, лежащее вне личностных отношений?

Ладно, уверен, что будет еще возможность продолжить эту беседу. Слава богу, не последний день на свете живу.

Наверное.

Разумеется, случившееся без последствий не обошлось. Пусть и не таких, как я ждал, с выяснением отношений и, возможно, обвинениями меня во всех грехах, но тем не менее. В этот раз Вика выбрала путь дзена, то есть ее лицо не выражало никаких эмоций, а уста были запечатаны молчанием. Ни слова она мне не сказала больше в этот день. Ни одного. Молчала всю обратную дорогу домой, беззвучно приготовила ужин и поставила его передо мной, а после, даже не присев за стол, ушла в комнату, откуда, понятное дело, после тоже ни звука не доносилось.

По идее, данная мера воздействия предполагала то, что от этой повисшей тишины я должен начать испытывать адовы муки совести, мне думается, что именно такая логическая выкладка имелась в прелестной головке Виктории. Но вот какая штука – меня на подобный крючок ловить смысла нет, я все это уже

проходил, и не раз. Да, когда-то очень давно, в безмятежной и наивной юности, подобная тишина на самом деле могла заставить меня сдать свои позиции и выглядеть дураком, который с преувеличенно-бодрым видом и идиотской улыбкой на лице несет всякую чушь, пытаясь разговорить обиженную на него подругу. Да что там, меня даже на банальное «ой, да ладно, всё!» получалось развести. Молод я был, доверчив, наивен и выглядел в глазах своих подруг невероятно забавно. Приблизительно настолько же, насколько сейчас Вика.

Вся ее беда в том, что сейчас времена уже не те, что раньше. Не гнетет меня бремя вины ни разу по причине, благоприобретенной за годы душевной черствости. Молчит подруга весь вечер? И слава богу! Радость-то какая, никто мне мозг не плющит, не жизнь, а благодать. Может, мне с Шелестовой вот так хотя бы раз в неделю уединяться? Так сказать, брать тихий выходной?

В верности своих предположений относительно стратегии и тактики моей сожительницы я убедился, поймав слегка недоуменный взгляд тогда, когда укладывался в капсулу. По ее расчетам, я сейчас должен был если не извиняться, то как минимум попробовать хотя бы навести мосты между нами. А я взял и предпочел ей игру? Это же неправильно!

Уверен, сейчас она начнет судорожно копаться в себе и пытаться понять, где же в ее гениальном плане была допущена ошибка. И самое главное, она ее еще и найдет! Причем, возможно, даже не одну. Женщины на такие вещи мастера. Правда, все равно в результате крайним окажусь я, но меня и это не слишком волнует. Грехом больше, грехом меньше…

Я не удержался от того, чтобы ей не подмигнуть напоследок, а через секунду перед моими глазами закружилась цветная радуга.

А, ч-ч-черт! Забыл Азова набрать, рассказать ему о беседе с новым главредом и о его попытке впихнуть ко мне в штат сразу двух новых девиц. Подобные вещи лучше сразу проговаривать, чтобы потом не услышать до боли знакомое «А чего ты раньше молчал?».

Но теперь уже все. Не выходить же обратно из игры, верно? Тем более что вон какие-то сообщения сразу посыпались ворохом, не исключено, что важные. Впрочем, все оказалось совсем не так, в большинстве извещений речь шла о турнире, а финальным сообщением оказалась рассылка с результатами

вчерашних поединков на Арене. Красиво оформленная, с гербами и скриншотами, но для меня совершенно бесполезная. Вот тоже – зачем парить мозг игрокам этой далеко не всем интересной информацией? Могли бы ее на почтовый ящик закидывать, это куда проще. Кому нужно – там прочтут, кому нет – удалят письмо. Да и неожиданностей там особых ждать не стоит, ясно же, что топы всех выносить станут. И стерву Элину, думаю, кто-то да раскатает в одном из будущих поединков, несмотря на все ее неожиданное мастерство.

Зато самое последнее сообщение меня, мягко говоря, изумило. В первую очередь тем, что оно вообще попало в число рассылок от администрации.

«Мое почтение, Хейген!

Заранее прошу не воспринимать это письмо как разновидность угрозы или попытку психологического давления на тебя. Нет-нет, все совсем не так. Просто я в последний раз пытаюсь с тобой договориться.

Ты хороший человек, Хейген, с тобой приятно иметь дело, поскольку ты не словами, а поступками доказал, что всегда стараешься выполнять взятые на себя обязательства. Сегодня подобные вещи – роскошь.

Потому я не очень хотел бы иметь тебя во врагах. Напротив, я буду рад видеть тебя в числе своих друзей. А еще лучше – соратников. Причем твои способности и заслуги, а также мои рекомендации смогут обеспечить тебе место в ближнем круге добрейшей Лилит. За это поручусь.

Ну а если нет… Ты и твой клан сейчас единственное препятствие для того, чтобы моя госпожа стала величайшей силой в Раттермарке. Потому как мне, так и тем, кто стоит рядом со мной, придется сделать все, что только в наших силах, для устранения этого препятствия.

Подумай, Хейген. Подумай хорошо. Но недолго, ибо сейчас дорог каждый день. Турнир закончится быстро, а значит, скоро два других бога смогут обрести свои дома. Тогда время слов пройдет окончательно, и наступит время стали.

С надеждой на истинное понимание ситуации, Сайрус».

Неожиданно. Нет, правда он меня удивил. И тем, что смог вот такой трюк с рассылкой проделать, и тем, что в целом мне написал. Я так полагал, что мы с Сайрусом друг другу все еще при прошлой встрече сказали. Он пообещал убивать меня везде, как ту муху, что разносит заразу, я посулил ему то же самое, после чего мы расстались довольные друг другом.

Хотя смысл этой писульки мне и так ясен. Дело не в том, что я прямо уж так ценен как боец, да и заслуг у меня особых нет. Просто если Тиамат покинет ее самый первый сторонник, да еще и глава титульного клана, это будет сильнейший удар по божественной репутации, которая, уверен, где-то да существует. Может, в виде рейтинга, может, еще как, но непременно. Плюс со мной так или иначе уйдет какое-то количество народу из клана, что не менее важно.

А конкретно так Сайрус за дело взялся. С душой. Мне, по-хорошему, у него поучиться следовало бы, как божественную репутацию нужно поднимать. С другой стороны – он с этой Лилит, насколько я помню, чуть ли не с ума сходил, носился как курица с яйцом. Все мозги тогда мне ей вынес. Так чего от него еще ожидать?

Но отвечать я ему не стану. А смысл? Свой выбор я давно сделал, в целом он меня устраивает. Ну а прямой отказ неизбежно приведет к немедленной конфронтации. Я ее не боюсь, этого только мне не хватало, но зачем хорошая война, если до поры до времени меня устроит и худой мир?

Кстати, а чего такая тишина вокруг? Я ожидал гул полупьяных голосов, нестройное пение и веселое рыгание кенига Харальда. Однако нет никого в пиршественной зале, она пуста, и это не столько удивляет, сколько, пожалуй, пугает. Может, на Севере уже другая власть, а я не в курсе?

Я покинул помещение, прошел через несколько пустых коридоров, в которых не обнаружилось ни единой души, и, уже всем нутром предчувствуя недоброе, добрался до выхода из здания, где с великой радостью заприметил двух охранников, пусть крепко поддатых, зато живых и здоровых.

– Где кениг? – спросил я у одного из них. – И все остальные? Чего дом пустой стоит?

– Так на берегу, – икнув, пояснил мне северянин. – Рядом с пристанью. Весь бург там, ага. Выясняют, понимаешь, кто более богине нашей мил.

– Тиамат? – на всякий случай уточнил я.

Кто их, этих северян, знает, может, тут за сутки политический курс полностью сменился. Например, просто так, забавы ради. Или, чего доброго, они Вайлериуса напоили до такой степени, что этот идеалист припомнил давно им забытые идеи свободы, равенства и братства да и понес их в народ. Тиамат подобное вольнодумство вряд ли потерпит, а вот та же Лилит запросто может такое одобрить. Ведь рядом с тремя перечисленными базовыми понятиями всегда где-то рядом ошивается и куча второстепенных, в том числе проходящая по ее профилю свободная любовь на пару с равноправием.

Короче, лучше уточнить. Для спокойствия.

– А какой же еще? – как мне показалось, даже немного оскорбился стражник. – Нам других не надо! Мы свой выбор сделали!

– Сердцем проголосовали, – подтвердил его напарник.

– Вот это правильно, – я похлопал одного из северян по плечу. – Тиамат – наш рулевой.

– Кормщик, – поправил меня стражник. – Так правильнее говорить.

– Ну, так, значит, так, – не стал спорить я и направился в сторону пристани.

Стражники не ошиблись, похоже, что все население бурга, то есть большое количество народа, вышло из домов. Немаленькая прибрежная площадь была им буквально запружена. Да и игроков в этой толпе хватало, они наравне с горожанами азартно орали и свистели, наблюдая за, бесспорно, любопытным для них зрелищем.

Каким? Это Север. Тут культурным кодом только одна забава предусмотрена – смертоубийство. В данный момент, например, два по пояс обнаженных сына снегов и льда бодро звенели секирами, каждая из которых была размером с

Трень-Брень, причем еще и шуточками умудрялись при этом друг с другом обмениваться.

Нет, положительно, если в день последней битвы эти люди выйдут на поле брани на нашей стороне, то шансы на победу резко увеличатся. А Тиамат за то, что я их привел под ее руку, мне должна каждый день персональное спасибо присылать, подкрепленное щедрыми дарами в виде… Ну, не знаю… Чего-нибудь. А то бегаешь, бегаешь, как блошка по песику, а в ответ что? Да ничего. Только и слышишь: «Давай живее, давай быстрее».

«Богиня Тиамат ощутила, что вы не слишком хорошо о ней подумали.

Урон, который вы будете наносить своим противникам, уменьшен на 5 % сроком на один час.

Будьте осторожны даже в своих мыслях, игрок Хейген.

Боги не люди, помните об этом! Они не прощают измены никогда, особенно если это касается тех, кто был особо отмечен их вниманием».

Да елки-палки! Что же мне теперь и в мыслях пофрондерствовать нельзя? Это уже перебор. Надо будет с Костиком на данный счет поговорить. Ладно я, у меня выбора нет, как у той лошади на крупорушке. А вот обычные игроки могут и взбрыкнуть.

Вайлериус предсказуемо обнаружился рядом с кенигом, эта парочка стояла чуть ли не в обнимку на самом удобном месте, том, с которого импровизированное ристалище было видно лучше всего, и наблюдала за схваткой.

– Хороший парень, – сообщил мне Харальд, молодецки хлопнув пьяненького до изумления принца по плечу, отчего тот чуть не рухнул на землю. – Дохловат маленько, но это ничего, мы его откормим. И ерунду всякую из головы вышибем, уж не сомневайся, мы это умеем. А то, может, я сам скоро в поход пойду и возьму его с собой! Станет он настоящим воином без страха и упрека, ценителем морских путей и веселого разгула! Пойдешь со мной в поход, малой?

– П-пойду, – пошатнувшись, а после безмятежно улыбнувшись, подтвердил принц. – Вот только на Юг с Хейгеном прогуляюсь, маму с престола свергну, Брана с его людьми казню – и пошли.

Горцы, которые, ясное дело, от моего приятеля ни на шаг не отступали, радостно загомонили, услышав о том, какая приятная перспектива ожидает их сородича. Впрочем, парочка все же осталась недовольна, они, как видно, предпочли бы прикончить вышеупомянутого Брана в соответствии с традициями их клана.

– Да! – всплеснул руками Вайлериус. – Юг! Дружище Хейген, нам уже пора туда отправляться, да?

– Пожалуй, пока нет, – с сомнением произнес я, глядя на него. – У меня другие дела есть. Давай завтра. Только очень прошу, ты поспи сегодня маленько, хорошо? А то ведь соратники из джунглей тебя такого могут попросту и не узнать. Скажут, это не соратник павших в борьбе за свободу всех пролетариев Данута и Ясмуги пришел, а ханыга какой-то.

– А кто такие пролетарии? – заинтересовался принц. – Красивое слово!

– Неважно, – отмахнулся я. – Не бери в голову. Главное, завтра утром не похмеляйся, что бы тебе по этому поводу дядюшка Харальд ни говорил.

– Но-но! – рыкнул на меня кениг. – Много воли взял, парень! Ты еще меня поучи, кому что говорить, а кому что нет.

– Я ваше гостеприимство имел в виду, – мигом поправился я, осознав, что вот-вот и я потеряю один, а то и два балла репутации с этим нечесаным пьянчугой, что в данной ситуации недопустимо. – Вы же наверняка пожалеете своего сородича, когда тот завтра с утра от похмелья мучиться станет. А ему нельзя. Ему завтра бойцов с Юга под нашу руку забирать. Мы же как-никак целый мир собрались завоевывать, значит, все мечи нужны, до которых дотянуться можно.

– Ну, если в этом смысле, тогда ладно, – сменил гнев на милость Харальд, а после оглушительно рявкнул: – Свен, тухлая ты селедка! Чего зеваешь! Ты же сейчас мог этому недотепе ногу отрубить и поединок выиграть! Эх, ну что за бойцы пошли! Стыдобища…

В очередной раз подивившись как доброте местных жителей, так и сердечности их повелителя, я достал свиток перемещения. Раз уж мы нынче не идем на Юг, займусь-ка я делами попроще. Благо в чем в чем, а в них у меня никогда недостатка не имелось.

Поразмыслив немного и глянув на вечернее небо, я решил, что, пожалуй, стоит для начала наведаться на Восток. Потом на это времени может и не найтись, а пяток магов вон для того вдупель пьяного недоразумения, смотревшего на поединок и хлопавшего в ладоши, отыскать все же надо.

Я поднял руку, чтобы привычно махнуть свитком для его активации, но в этот самый момент Назир резко толкнул меня в спину, повалив на землю, и что-то гортанно крикнул на незнакомом мне языке, который я до того ни разу не слышал. Мало того, он еще коленкой меня к ней припер, так, что подняться было совершенно невозможно.

Сразу после этого справа от меня раненым вепрем взревел кениг Харальд, причем настолько громко и грозно, что мне даже не по себе стало, изумленно пролепетал что-то Вайлериус, а следом скрежетнула старая добрая сталь мечей, которые покидали ножны.

– Убить меня здесь надумали? – басил кениг. – В моем же собственном бурге? Негодяи! Изрубить этих мерзавцев на куски!

Я, выплевывая изо рта пыль, попавшую туда, приподнял голову и увидел, как кольцо недобро щерившихся северян, перехватывавших рукояти мечей и секир поудобнее, сжимается вокруг пятерых игроков, готовых к бою и стоявших спиной к спине. Причем над каждым из них светился уже хорошо мне знакомый герб клана «Великая М».

И гнев Харальда мне стал понятен сразу после того, как я глянул на него. В плече кенига торчал кинжал, вошедший туда по самую рукоять. Похоже, эти славные парни хотели его устранить.

А может, и не его. Вайлериус, оказывается, как и я, вволю наелся пыли, прижатый к земле коленом воина, который был экипирован один в один как мой верный Назир. А в руках этот брат-близнец моего телохранителя вертел кинжал,

в точности такой же, каким был ранен Харальд.

Однако Элина, похоже, совсем уже очумела, раз на подобные вещи отваживается. Это же нарушение самых строгих правил, которые только есть в игре. Убийство в городе, да еще и НПС, – это верный путь к полной блокировке учетной записи сотворившего сие беззаконие игрока.

Хотя, с другой стороны, размен все равно выходит выгодный. Ну, хорошо, несколько игроков потеряют свои учетки. Не беда, заведут новые, их быстренько прокачают собратья-сокланы, снабдят вещами, причем самыми лучшими. Тут, между прочим, даже сама Месмерта в благодарность за сделанное расстараться может, за такой-то подарок.

Ведь теперь нет кенига, который противится Витару и держит Север в ежовых рукавицах, нет Вайлериуса, который может стать угрозой владычеству Анны, подконтрольной Элине и ее повелительнице. И все довольны, кроме Тиамат, в мощи которой образовалась вот такенная брешь.

И ведь почти удалось. Если бы не предусмотрительность Хассана ибн Кемаля, который отправил приглядывать за Вайлериусом парочку своих сыновей, то сейчас я бы читал сообщения системы о провале целой группы квестов и думал, как быть дальше. И еще оплакивал Вайлериуса, к которому, что уж там, изрядно привязался.

Однако ставки-то в игре как поднялись! Это тебе уже не милые детские забавы, как раньше, в ход пошли запретные трюки. Значит, и мне надо потихоньку от благостного образа жизни, того, который иногда включал в себя элемент всепрощения, отходить. И до соратников своих эту мысль донести.

Между тем игроки «Великой М», похоже, класть свою голову на плаху здесь и сейчас не собирались. Сразу трое из них, один за другим, одарив северян злорадными улыбками, истаяли в воздухе. Но двое из пяти сделать этого не смогли, они остались на площади. Те трое только смотрели, на них кара администрации не распространялась. А эти двое, похоже, как раз и выступали исполнителями воли Элины.

Окончательно озверевшие северяне уже было занесли над их головами оружие, но судьба им была предать нарушителей правил смерти. Их гибель пришла

сверху. С небес.

Фр-р-р! Яркая молния, словно золотое копье, пронзила игрока с головы до пят, аж подсветив изнутри. Тот застыл на мгновение, а следом за тем его охватило белое пламя, буквально за доли секунды спалив дотла. Один пепел опустился на землю, да и тот через секунду закрутил вихорьком дунувший с моря ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/fayroll-petlya-sudeb-tom-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити